

Евгения Кузьминых

Уязвимая. Внеземная Связь

Евгения Кузьминых

Уязвимая. Внеземная связь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70782235

SelfPub; 2025

Аннотация

Если вы думаете, что Земля единственная планета, на которой есть жизнь, то вы ошибаетесь. Люди моего времени тоже так считали. И по итогу где мы все оказались? В городе Спасение – последнем безопасном месте на целой планете. Тринадцать лет назад внеземные напали на Землю. За пару дней уничтожив почти всё живое в нашем мире. Зачем они пришли? Это странно прозвучит – им нужны были чувства. Наши эмоции для инопланетных захватчиков что-то наподобие пиццы для людей, а для нас они болезнь, которая сводит с ума и лишает жизни.

Как бы тяжело не было в то время, но кому-то удалось выжить и выстоять свою планету. Внеземные ушли. А возможно, они скрываются и ждут, пока в душе кого-то пробудится то, что так притягательно им...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	51
Глава 7	60
Глава 8	74
Глава 9	89
Глава 10	106
Глава 11	121
Глава 12	136
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Евгения Кузьминых

Уязвимая. Внеземная связь

«Хочу найти сил, чтобы отказаться от тебя... но не могу. Умом я всё понимаю, но сердце не отпускает тебя».

Глава 1

Громкий хлопок, и вибрация от удара волной раскатывается по моему телу. Свет прожекторов гаснет и всё вокруг превращается во мрак. Вой сирены разрывает ночную тишину города Спасения, заглушая дикое биение моего сердца. Меня парализует, но с улицы я слышу возгласы командиров и редкие автоматные очереди, и моё тело реагирует раньше, чем разум. Смахиваю с лица вечно выбивающуюся прядь светлых волос и стреляю, высунув ствол в отверстие в стене. В обычные дни с постовой будки, которая находится на вершине горы, видно всё хорошо: дорогу, ведущую вдаль, спусковую площадку к городу и постовые будки на противоположной стороне. Но сейчас вокруг лишь мгла и лёгкая дымка от только что взорванного снаряда.

– Ты их видишь? – кричит Нелли.

Взрыв гремит поблизости. Мощная волна тёплого воздуха врывается внутрь постовой будки, почти снеся стену. Я цепляюсь за край выпирающей доски и занозы тут же впиваются в пальцы.

– Тина, пора уходить! – отдалённо слышен возглас Нелли, хоть она и рядом. – Сейчас всё рухнет!

Мотаю головой, пытаюсь избавиться от звона в ушах. Что-то внутри меня готово согласиться с ней, только стержень, заточенный городом и воспоминаниями о инопланетном за-

хвате, противостоят этому.

– Нет, – выдаю короткий ответ, мотнув головой. – Мы не можем покинуть пост без команды.

Тонкие пальцы Нелли сжимают моё плечо. Она наклоняется слишком близко, от этого её тёмные, как всё вокруг, волосы щекочут мне щёку.

– Послушай, – шепчет напарница, – сохранить город и помочь Спасённым – главное правило Защитников.

Дымка продолжает заволакивать пространство, она уже добирается и до нашего поста. Горькая смесь обжигает нос и горло, так, что не вдохнуть. Нелли тоже тяжело говорить, она задыхается.

– Лидеры... поймут. Они сами готовили нас к защите города, – хрипит она сквозь кашель.

Венка на моём правом виске бешено пульсирует. Я не могу нарушить приказ!

– Покинув пост, мы спасём больше людей, чем если останемся и погибнем в этой деревянной будке.

Учащенное дыхание вырывается сквозь стиснутые зубы. Щелкаю затвором перезаряжая пистолет. Разворачиваюсь. Видимости нет, так что я двигаюсь инстинктивно. Нащупав крышку люка, тяну рычаг. Свежий воздух бьёт в лицо и короткие волосы развеваются от сквозняка.

– Лестницы нет, оторвало взрывом, – я кидаю вопросительный взгляд на силуэт защитницы.

– Прыгай! – крик Нелли.

Прикусив пухлую губу, делаю уверенный шаг вперед. Новый удар где-то за спиной. В ушах звон, ещё чуть-чуть и барабанные перепонки лопнут. Толчок и взрывная волна откидывает меня к краю горы.

Голова кружится. Во рту – металлический привкус крови. Рукавом серой куртки я вытираю лицо, не выпуская из ладони пистолет. Лева рука немеет так, что невозможно пошевелить, в плече явно засел осколок. Ощущаю, как тёплая кровь струйкой вытекает из раны.

Жива! Я, Тина Брайн – жива!

Ядовитые клубы окутывают пространство, спускаясь вниз, в ущелье. Там, между двух крутых скал, Город Спасение и его безоружные жители. Я должна им помочь!

Уши закладывает. словно из-под воды я слышу зов командиров и делаю над собой усилие. Собрав силы, поднимаюсь. Всё тело сотрясает дрожь, но выдержка Защитника меня не оставляет.

– Тина, – едва слышу я шёпот Нелли.

Она лежит у окровавленного скалистого камня. Её ноги неестественно подогнуты. Длинные тёмные волосы покрыты пылью и кровью. Бледное лицо рассечено мелкими ссадинами.

– Не могу пошевелить ногами, – говорит она, пытаясь откашляться.

Отблески луны в её ярко-синих глазах смотрятся странно.

– Ты жива, – шепчу в ответ. – Я приведу врачей.

Нелли цепляется пальцами за подол моей куртки.

– Мне больно, – говорит она и... улыбается.

Отстраняюсь от неё, как от прокажённой.

– Не говори так. Нам запрещено!

Из синих глаз напарницы текут слёзы, но на лице – улыбка.

– Я ощущаю боль, – шепчет она, теряя сознание.

Я снова поднимаю взгляд. Всё пространство в чёрном дыму. Языки пламени уничтожают уцелевшие от взрыва деревянные стены поста. Нелли спасла меня, заставила покинуть дежурство. А я бросаю её полуживой на краю скалы. Всё правильно. Потому что для неё лучше погибнуть в бою. Чувств нет в Спасении. Нелли нарушила правила – сказала, что может ощущать. Поэтому, если она выживет, мне придётся доложить об этом лидерам.

Взрывов больше не слышно. Иногда откуда-то издалека доносятся автоматные очереди. Битва продолжается. Я натыкаюсь на трупы Защитников под ногами. Кровь тёмными лужами блестит, отражая блики луны. В груди скребёт ком. Сердце бешено бьётся, пульсация охватывает всё тело. Лёгкие сжимает так, что тяжело сделать вдох. Ладони взмокают и пистолет скользит, и я вот-вот потеряю единственное оружие, которое может защитить меня от захватчиков.

Когда к горлу подступает тошнота, мне на доли секунд кажется, что я ощущаю жжение в раненом плече.

Нет! Чувства и эмоции – слабость. Боли нет!

Чтобы попытаться избавиться от этого, сжав зубы я ускорю шаг. Мы должны выстоять! Спасение – единственное убежище для людей после внеземного захвата. Уже не иду, а бегу в сторону захватчика в длинном чёрном плаще.

– *Отчуждённый*, – хриплю в пустоту.

Я не знаю, кто это. Не захотевший жить в Спасении человек – или оставшийся на Земле внеземной? Но я знаю главное – он пришёл убивать людей моего города.

– Стой! – кричу я и делаю первый выстрел.

Пуля летит в цель, но не пробивает плащ, а осколками рассыпается у ног Отчуждённого. В ответ слышен громкий смех, и я стреляю снова. Захватчик медленно приближается и моё сердце стучит в такт его шагу.

Я должна ударить первой – вот что повторяет голос в голове.

Он останавливается в паре метров. Металлический блеск в руке, дуло его пистолета направлено на меня. Сглатываю. Глухой звук выстрела и свист в ушах. Между нами мелькает тень. Обжигающая боль пронзает грудь. Мгновение – и некая сила отталкивает меня на мощёную дорогу.

Последнее, что я вижу – горящие синим огнём глаза моего спасителя.

Из груди вырывается сиплый хрип, и только потом я всё же делаю вдох. В воздухе витает запах лекарств, затхлости и пыли от белья, а также тошнотворный привкус крови и смрад

от гниения ещё живого тела. Новый вдох даётся с трудом, кажется, что я заново учусь дышать.

Перед глазами пелена, которая постепенно спадает. И я начинаю различаю белые стены палаты и бетонный потолок. Холодный свет от настенных ламп слепит меня, отчего к глазам тут же подступают слёзы. Невозможно пошевелиться, чтобы стереть их с лица. Не с первой попытки, но всё же, мне удаётся сделать это, и когда я могу смотреть на мир ясным взором, то понимаю, что нахожусь в лечебнице города.

На полу – ряды матрасов с израненными Защитниками. Беглым взглядом рассматриваю каждого и Нелли среди них нет. Защитники не подают никаких признаков жизни, от этого в палате стоит ужасающая тишина. Они безмолвно, с каменными лицами ждут прихода лекаря. Большинство без сознания, а возможно, мертвы.

Голова у меня тяжёлая от долгого сна. Сил нет, зато ужасно ломит кости и в ногах появляется странное ощущение, их тянет и выкручивает. Из тела пропадает жизненная энергия, и нет желания ни двигаться, ни говорить. Мне кажется, что я умираю.

Мимолётный импульс в левом плече, которому я не предаю значения. Через секунду он повторяется вновь, только теперь намного ярче и сильнее. Трясущейся рукой я касаюсь перебинтованной раны. Плечо словно пронзают острым клинком и проворачивают внутри. Слёзы подступают к глазам. Крик самопроизвольно вырывается из груди.

Больно. Мне больно.

Не может быть. Меня бросает в жар. Сердце замирает, когда я понимаю, что это значит. Я чувствую боль.

Головокружение охватывает разум, в висках глухой стук и невидимые оковы сжимают их. Но я делаю рывок и сажусь. Слезы стекают по щекам. Прижимаю ладони к лицу, чтобы унять жар, но это не помогает. Зажмурившись, откидываюсь на подушку, пытаюсь унять боль вырывающегося из груди сердца.

Вдох... Выдох.

Защитники молчаливы и спокойны. Только я не нахожу места, ёрзаю по матрасу и испытываю дикое желание спрятаться ото всех под одеялом. Не могу доверять своим мыслям и ощущениям. Разве такое возможно? Я не умею чувствовать. Скорее всего, это всё мне кажется. Точно, это всё из-за Отчуждённых. Вначале Нелли, теперь я. Нас отравили.

Дрожь проходит. Всё заканчивается слишком быстро и я перестаю что либо ощущать.

Надо уйти из лечебницы! Убежать. Спрятаться.

Резко встаю на трясущиеся ноги. Одежды нет. Я стою посередине палаты в одном нижнем белье. Протягиваю руку, чтобы поднять одеяло и закутаться в него.

Стоп! Защитники так не поступают!

Прикладываю холодные ладони к горящим щекам, чтобы скрыть румянец, и аккуратно обхожу матрасы с Защитниками.

Мне необходимо некоторое время, и когда у меня получается нащупать внутри себя негибаемый стержень, я сжимаю кулак и стучу в кабинет лекаря.

– Тина Брайн, ты очнулась, – протягивает грубоватый мужской голос.

Статный мужчина с шоколадным цветом кожи выходит из своего кабинета в общий зал. Широкие плечи лекаря закрывают дверной проём так, что невозможно разглядеть комнату. Белоснежный костюм и такая же улыбка, не вызывающая ничего, кроме отвращения.

– Как себя чувствуешь? – хрипит он.

– Никак, – следует краткий ответ по правилам города.

Он смахивает пот с лица и пристально смотрит. От такого взгляда у меня впервые в жизни появляется желание – спрятаться.

Это проверка!

Дышу как можно тише, не отводя взгляд. Да, внутри меня нарастает напряжение, которое уходит дрожью в ноги. Ещё чуть-чуть и я упаду.

– Меня зовут Майкл Курт, я занимаюсь твоим восстановлением, – говорит он, удовлетворённо кивнув.

А я мысленно выдыхаю.

– Могу я вернуться в отряд? – пытаюсь скрыть дрожь в голосе.

Лекарь нажимает на больное плечо. Дикое желание закричать, но я просто перестаю дышать. Не знаю почему, но го-

лос в моей голове дико вопит: *Не выдавай себя!*

– Я бы оставил тебя в лечебнице, – хрипит он. – Но поступил приказ: всех ходячих отпустить.

Он достаёт из кармана пластиковый контейнер. Никуда не торопясь, лекарь, покрутив его в руке, открывает. Нечто переливающееся, похожее на ткань, скользит в его ладонях. Он прикладывает этот материал ко мне. На груди странный холодок, похожий на соприкосновение с чем-то металлическим.

– Как ты получила этот удар? – вопрос обычный, но мне слышится что-то странное в голосе.

Через минуту он снимает с моей груди пластинку и убирает обратно в контейнер. И смотрит на меня своим обыденно пустым взглядом.

– Помню Отчуждённого, – выдаю я задумчивый ответ, – а потом очнулась в лечебнице.

– Доложи Питеру.

Киваю, готовая броситься к двери в ту же секунду, как только он отпустит меня.

– Иди на обработку, и можешь быть свободна.

В душе непонятный трепет, лёгкое тепло разливается по телу. И я делаю шаг к входной двери.

– Тина!

Сердце сжимается и замедляется. Зачем он меня окликнул?

– Зайди через пару дней, я проверю плечо.

Выскользнув из палаты, босая и полуобнаженная, спускаюсь в лифте. Ко мне постепенно возвращаются силы. А может это всё из-за того, что во мне нарастает дикое желание скрыться ото всех.

Перед самым выходом из лечебницы я захожу в палату для обработки. Душевая кабина, на полу местами обколотая белая плитка с затертым рисунком. Тут стоит тошнотворный запах нечистот и лекарств. Круглое зеркало в углу у окна, там, где стоит тумба с гелем для обработки и шкаф со сменными комплектами одежды. Набираю своё имя на его дисплее, неотрывно смотря на отражение в зеркале. Девушка невысокого роста, с короткими пушистыми русыми волосами. Прямой нос, овальное, слегка вытянутое лицо. Сейчас покрытое мелкими ссадинами. В принципе, ничего особенного. Но глаза... Я так и не знаю, какого они цвета. В них есть отблески синего, серого и даже оттенки зелёного. Ни на секунду не отводя взгляда от отражения, я вплотную подхожу к зеркалу, рассматривая синий с красными прожилками кровоподтёк. Отпечаток ладони.

Закрываю глаза, пытаюсь освежить в памяти ночь нападения, но ничего, кроме ярко-синих глаз, так и не могу вспомнить.

Стук в виске и темнота.

Ручей с кристально чистой водой, на поверхности – голубое небо и зелень цветущих деревьев. Глубокий вдох... Свет

жесть и сочный запах травы.

Присев подле берега, украдкой бросаю взгляд на своё отражение. На ровной глади воды видно узкое лицо, круглые глаза светятся счастьем, щёки горят алыми красками, а от улыбки на левой щеке появляется небольшая ямочка.

Такая красочная картинка, похожая на ослепительную вспышку.

Здесь и сейчас я всё так же стою у зеркала. Но что-то не так... Глаза. Там больше нет пустоты... Таинственность и непокорность скрывается в этих глазах.

Как могу, корчу лицо в подобие улыбки, складываю в гримасу из промелькнувшего видения – и вот она, ямочка на левой щеке. Я точно видела её раньше. Но не помню этого. Словно забыла что-то важное и дорогое. Могла ли я сидеть у ручья? Ведь я выросла в Городе Спасения, не покидая его стен. Душу царапает странное ощущение, что я должна что-то вспомнить, но не выходит... Или я просто не хочу.

Громкий писк напоминает, что настанет время обработки. Так и не нанеся гель, я запрыгиваю в душевую кабину, прежде чем металлические двери захлопываются по таймеру.

Глава 2

Серость утра. Прохлада и привкус гари всё ещё витают в воздухе. Лёгкая дымка опускается по чёрным скалам в низину, к городу. Сквозь туман блестит световое табло на склоне горы, недалеко от белокаменного здания штаба. Прошла неделя после нападения. Я не знаю, чем закончился тот бой, но если мы всё ещё здесь, значит, Защитникам удалось выстоять.

Спускаюсь по мраморным ступеням лечебницы. Под тонкой курточкой тело дрожит, как маятник на часах. И это очень непривычно. Раньше я не ощущала ничего подобного – да и вообще мало что ощущала. А теперь моё тело будто больше не принадлежит мне, а реагирует само по себе. Это пугает. Не могу понять, чему радовалась Нелли, заразившись чувствами. Почему она улыбалась?

Шаркая тяжёлыми ботинками, я иду по дороге, выложенной из камня. Впереди – мост на другую часть города. Но мне не туда. Сворачиваю влево. Тяжелые тучи добавляют городу с его отрепанными временем постройками мрачной атмосферы.

Пустота улиц и тишина.

Раздается еле слышный скрип, и над головой проплывает вагончик. Сеть канатных дорог, натянутых через долину реки, соединяет с другими каждый угол города, разве что не

все из них работают. Некоторые кабинки так и висят над городом, дожидаясь лучшего времени.

Я продолжаю шагать. Полуразрушенные строения сменяются заново отстроенными зданиями. Это дома для Элиты и врачей. Спасенные живут по окраинам города, среди теплиц для выращивания овощей. Вообще в Спасении всё на своём месте и каждый житель занят своей работой, суть которой приносить пользу обществу.

В полутора километрах от лечебницы, недалеко от старой и заброшенной автотрассы, в горе выдолблены ступени неприметной лестницы. Жилища Защитников спрятаны в пещерах на склоне гор. Трясущимися от холода руками я набираю на панели своё имя. Еле слышный писк и дверь открывается. Внутри, как всегда, полумрак, а сегодня ещё и воздух влажный и спёртый. Зато здесь почти нет горьковатого привкуса гари.

В самом центре пещеры на пьедестале стоит табло, на него выводят трансляции речей Питера – лидера города и командира Защитников. В данный момент это тёмный и пустой экран.

– Тина, – приветственно хлопает меня по плечу Боб.

Острая боль пронзает рану, но я сдерживаю крик, крепко сжав зубы. Пальцы темнокожего защитника впиваются в мою руку. И почему все в городе цепляются именно за то место где у меня ранение?

– Как ты могла нарушить приказ и покинуть пост? Когда

мы дежурили вместе, ты себе такого не позволяла.

Отдёргиваю плечо от его ладони.

– Нелли выжила? – быстро спрашиваю я.

Боб безразлично проводит рукой по коротко стриженным волосам.

– Не я был с ней на посту, а ты.

В его карих глазах пустота.

– Ты был на восточной скале?

Краткий кивок.

– Отчуждённые пришли с запада.

– Многие погибли?

Он хмурится.

– Почему тебя это интересует?

Оставив этот вопрос без ответа, я быстрым шагом удаляюсь вглубь пещеры. Понимаю, какую ошибку совершила. Защитникам не интересно ничего, кроме собственно службы – защиты города.

Резкий запах потных тел бьёт в нос. Это спальное отделение моего отряда. Рядами стоят деревянные лавки для сна, на них нет матрасов, чуть дальше – общие душевые для обработки. Чёрные скалистые стены с лёгким беловатым налётом и несколько ламп под потолком. Сегодня здесь многолюдно. Обычно в это время многие на посту. А теперь почти все Защитники толпятся в центре пещеры.

– Это приказ! – заканчивает свой призыв звонкий голос.

Защитники расходятся, смотря себе под ноги и не видя

никого вокруг.

– О, Тина Брайн, – протяжно зовёт Белла своим звонким и мелодичным голосом.

Проводит рукой по густым тёмным волосам, собранным в тугой пучок. Причёска идеальна. Серая форма сидит на её стройной и спортивной фигуре, конечно же, лучше, чем моя больничная мешковина. Белла, оказывается, привлекательна.

Белла Янг медленно приближается. Сузив зелёные глаза, шепчет:

– Что натворила, Отчуждённая?

Очередной укор в стиле Беллы. Раньше меня никак не задевали её слова, а теперь я готова броситься на неё. Но я глушу в себе искушение, поэтому мне необходима пара секунд, чтобы вновь посмотреть на защитницу пустым взором.

– Питер впервые появился в пещере. Как думаешь, какое наказание ждёт тебя?

Ростом она выше на голову и, как стена, напирает на меня. Стряхивает невидимую пыль с плеча серой куртки, застегнутой под горло, и не спеша поворачивается.

– Приведи себя в порядок. Это первая и последняя встреча с лидером.

Она уходит, оставляя меня наедине с моими мыслями. А их у меня очень много. Раньше такого не было. Вот если вспомнить день перед нападением Отчуждённых. Я проснулась утром, как и все, затем пошла на обработку и завтрак.

Днём я патрулировала город с Бобом, а вечером вступила на дежурство с Нелли. Обычный день, такой же как и все остальные. Так что сейчас не так? Меня не оставляет мысль, что в этот самый момент я не одна. Точнее в моей голове есть кто-то посторонний. Иначе как можно объяснить всё это, что сейчас там происходит?

– Отчуждённая, – голос Беллы звучит рядом.

Отвлёкшись на голос в своей голове, я от невнимательности пропустила тот момент, как она вернулась и встала надо мной, как коршун над жертвой.

– Питер ждёт тебя! – повышает голос, отчего мои руки сами сжимаются в кулаки.

И если бы не Боб, который так не кстати врывается в наш отсек, то я бы напала на неё. Меня пугают мои же мысли. Нет, это точно не я. Со мной что-то произошло у того злополучного поста, после нападения Отчуждённых.

Я поднимаюсь, и под взгляды Беллы и Боба выхожу в коридор. И пока я не скрываюсь за поворотом, я всё ещё ощущаю их прикованные ко мне глаза. Не верю, что это происходит, но я не тороплюсь идти к Питеру. Медлю и неспеша плетусь к его кабинету. Правда в жилище Защитников не так много места, поэтому через пару поворотов я захожу в коридор с единственной дверью.

В груди всё сжимается. А если лидеры уже всё знают? Помогут ли они мне? Или меня подвергнут зачистке, удалят из города?

Но не меня одну. Я скажу правду. Это Нелли предложила покинуть пост.

Хватаюсь за ручку и толкаю дверь в кабинет лидера. Поздно осознав, что так я делать не должна была.

– Тина Брайн, я полагаю, – вдруг слышу бархатный баритон с нотками хрипотцы.

Сжимаюсь так, словно готовлюсь к удару и опускаю глаза.

– Можешь смотреть, – в голосе нет угрозы.

Маленькая комнатка выдолблена в камне. Сюда помещается лишь металлический стол и пара стульев. На одном сидит Питер Ван.

– Второе нарушение, Тина. Или ты забыла, как входят к лидеру?

Смуглая от постоянного загара кожа в тусклом свете ламп выглядит ещё темнее. Под чёрной футболкой проступает рельеф его мускулистых плеч. Густые, слегка волнистые тёмные волосы взлохмачены у лба. Ровную, прямую шею и сильно выступающий кадык окутывают языки пламени, нисходящие по оголённым рукам к запястьям.

– Ты покинула пост без командира.

Я молча сглатываю.

Питер встаёт. Из-за высокого роста (а он самый высокий из трёх братьев-правителей) комната ему маловата. Он опирается на стол и наклоняется вперёд. Он рядом. Чёрные выразительные глаза, правильные черты лица и пухлые губы. Питер очень красив.

Невидимая сила подталкивает меня, и я наклоняюсь к нему. Наши лица – одно напротив другого. И я понимаю, насколько опрометчиво поступаю. Поддаюсь незнакомым, неизвестным чувствам.

– Ты хочешь мне что-то сказать?

Щеки пылают румянцем. Тяжело бороться с одолевающими меня чувствами, особенно когда в голове стоит дикий крик, скандирующий только одно:

Он убьёт меня!

– Это закружилась голова, – говорю первое, что приходит на ум.

Отстраняюсь и вжимаюсь в дверь. Комната очень маленькая, если он захочет, то ему стоит только вытянуть руку и я буду схвачена.

– Ты или Нелли? Кто решил покинуть дежурство?

Собираюсь сказать правду, обвинив во всём напарницу. Но что-то внутри меня меняет планы.

– Мы должны спасти безоружных людей, – говорю я чётко. – Мёртвые Защитники не помогут Спасённым.

Питер выпрямляется. Его взгляд пронзителен, а лицо нахмурено. Сложенные у груди руки напряжены, от этого его бицепсы кажутся ещё больше. Радует одно, я не ощущаю угрозы.

– Есть что-то, что ты должна мне сказать? – слышу только серьёзность в голосе.

– Да.

Он ждёт.

– На моей груди – отпечаток чьей-то ладони.

С минуту стоит тишина. Он смотрит на меня, а я на него. Пытаюсь сдерживать в себе бурю эмоций, ведь я впервые один на один разговариваю с лидером города. К тому же меня всё же пугает его пронизывающий насквозь взгляд.

– За долгие годы пребывания в городе это – твоё первое нарушение?

Осторожно киваю, всё ещё борясь с криком в голове.

– Если повторится, тебя ждёт зачистка.

– Меня... удалят из города? – вырывается вопрос.

Мне нужно это знать. Но зачем? Я не знаю. Он смотрит исподлобья и садится за стол.

– Завтра всеобщее собрание Защитников и Спасённых. И тебе следует быть там.

Затем утыкается в планшет и делает вид что меня здесь нет. Но я ещё тут, стою напротив него вжимаясь в дверь.

– На моей груди отпечаток ладони – повторяю.

Расстегиваю куртку и собираюсь поднять футболку, но Питер останавливает меня, как-то странно посмотрев:

– Можешь идти, – он немного повышает голос.

Я мнусь у двери под пристальным взглядом его бездонных глаз. Питер ждёт. Ощущаю себя загнанной в угол дичью. Ещё секунда.

– Что будет, если вдруг в городе у кого-то проявятся чувства? – спрашиваю, смотря в упор.

Взгляд чёрных глаз спокоен, но я вижу пульсацию венки на его виске. Я так и стою, прижавшись к двери, а он всё ещё сидит на металлическом стуле. Но я буквально ощущаю, как он напряжён.

– Иди, Тина, и не делай глупостей, – наконец, выдыхает Питер.

Глава 3

Этой ночью мне никак не удаётся уснуть. Тело ноет от лежания на жесткой лавке, а затхлый и влажный воздух – словно мешок на голове, мешает сделать вдох. Доносящиеся изредка шорох и сдавленный, тихий шепот подсказывают, что сегодня я не одна, кому не спится. Раньше я и не замечала, как проходят ночи. Я бесплодно вглядываюсь в ту сторону: нарушителей не рассмотреть. В десять выключили свет, комнату накрыла непроглядная темнота.

И когда утром, наконец, звенит будильник и загораются лампы с блеклым желтоватым свечением, я соскакиваю с лавки быстрее всех. Позвоночник и поясница онемевают от этого шею больно повернуть. Каждый сантиметр моего тела стонет в напряжении.

Ополоснувшись в ледяной воде, по инструкции обрабатываю рану. Всё тело в мурашках, меня трясёт в ознобе так, что дрожит подбородок. Меня пугают изменения, происходящие со мной, и я думаю о том, как же сильно хочу избавиться от этого. Но для начала придётся заново учиться жить среди Защитников. Хорошо, что все они – роботы, приученные выполнять команды. Бесчувственные машины, существа, лишённые собственной воли.

Когда я попадаю на улицу, то жадно глотаю свежесть утренней прохлады. Да, в воздухе всё так же витает запах га-

ри после взрывов, но это лучше, чем затхлость отсыревшей пещеры. Найдя каждый свой отряд, Защитники строем направляются на главную площадь города. Я же плетусь в конец.

На улице похолодало. Вот-вот осень закончится и наступит зима. Смертность в городе увеличится, как и обычно. Неудивительно, с такой-то одеждой. Плотно застёгиваю куртку, но тонкую ткань продувает. Всё тело буквально ходит ходуном от холода.

Расслабься – стучит в голове.

Ровным строем мы проходим мимо мраморного здания лечебницы. Стараясь не отстать, вглядываюсь в затемнённые окна, надеясь заметить там Нелли. Ведь я точно знаю, что она тоже чувствует, и, может, нам вдвоём будет легче разобраться со всем этим. Скрыть преступление.

Я поднимаюсь на мост и хватаюсь за проржавевший парапет, покрывшийся инеем. Холод металла обжигает руку. Но я не отдёргиваю её, наоборот, сжимаю пальцы сильнее, думая, что так смогу избавиться от всех этих непривычных ощущений.

– Тина, – слышен знакомый голос.

Оборачиваюсь.

– Нелли! Ты жива!

Сдерживаюсь, чтобы не броситься к ней. Нелли тоже трясёт в ознобе – гораздо сильнее, чем меня. Накинута на плечи куртка, под которой только бельевая майка, явно совер-

шенно её не согревает.

– Что ты тут делаешь? Как тебе удалось выжить?

– Я не знаю, – шепчет она.

Подбородок Нелли подрагивает. Чёрные волосы свисают грязными сосульками и неестественно оттеняют побледневшее и осунувшееся лицо. Я разглядываю её и надеюсь, что сама выгляжу лучше.

– Ты не говорила лидерам? – спрашивает она, цепляясь за меня, будто я собираюсь убежать.

Ногти впиваются в мою руку. Цепкий захват нечеловечески холодных пальцев Нелли пугает.

– Прошу, Тина, не говори лидерам о том, что произошло на сторожевой горе.

Неподвижный взор провалившихся глаз гипнотизирует меня.

– Тебе стоит вернуться в лечебницу, – только и отвечаю я.

Её трясёт. Посиневшие губы сжаты. Нет, я не хочу быть как она.

– Нелли, мне нужно быть на собрании, – шепчу я, освобождая свои руки.

Но Защитница не сдаётся, мне приходится применить силу и оттолкнуть её от себя.

– Тина, прошу. Они убьют меня, – в её глазах пустота, а в голосе я слышу страх.

Не могу объяснить, как я это поняла, но уверена – она страшно боится. Она мечется из стороны в сторону, пряча

руки в полах куртки.

– Я не доложила, – бросаю я. – Будь спокойна.

Нелли резко останавливается.

– Это правда?

– Да.

– Почему?

Пожимаю плечами, опуская взгляд.

– Ты! Ты тоже почувствовала? – ахает Нелли.

Молчу. Но Нелли не уходит.

– Что думаешь делать? – шепчет она.

– Постараюсь разобраться с этим.

– Как?

Качаю головой. Я знаю не больше, чем она.

– Послушай, мне нужно на собрание. Давай обсудим всё позже, – говорю я, оглядываясь на давно скрывшийся в парке отряд.

Она задумывается на две секунды, но всё же кивает.

– Постарайся вести себя как раньше, – бросаю я вдогонку, уже направляясь к отряду.

Вместо ответа Нелли машет мне на прощание.

От бега щемит в груди. И как раньше я справлялась с дистанциями? Останавливаюсь в парке и прячусь среди деревьев – нужно перевести дыхание. Сердце периодически сжимается от каждого дуновения ветра. Дрожь бьёт по телу, как грязно-коричневые воды реки, поделившей город на две части, бьются о берега. Побороть эти приступы не так просто.

В моём теле словно поселился кто-то чужой, прогрыз дыру в мозг и даёт указания. И мне необходимо договориться с ним, наперекор уставу, наперекор всему, чему меня учили.

Тишина, только лёгкое шелестение ещё не опавших листьев. Спокойствие в душе. Песок скрипит под грубой подошвой тяжёлых ботинок. Шагая по узкой извилистой тропинке городского парка, вдыхаю запах свежести и чистоты. На улицах города царит несвойственная пустота. Защитники и Спасённые – на площади собраний. И только одна женщина сидит на полуразрушенной, единственной лавочке парка. На ней простая форма зелёного цвета, с грязными пятнами от работы на земле.

– Разве сейчас – время отдыха? – говорю я тихо, но чётко.

Постарайся вести себя как раньше – я сказала это Нелли или себе?

Женщина поднимает на меня внимательный взгляд. Лицо припухло, под серыми глазами мешки.

– Артур приказал быть всем Спасённым на собрании, – шепчет она.

В её голосе дрожь. Мне кажется, что сейчас, глядя на эту женщину, я вижу нечто большее, скрытое от других.

– Меня зовут Анна.

Она поднимается, отряхивает подол юбки и смотрит на меня.

– Я Защитник, – строго говорю я.

Анна кивает.

– Защитники – не ровня Спасённым, – продолжаю я. – Ты не имеешь права смотреть мне в глаза. И меня не интересует твоё имя.

Снова кивок. Затем она поворачивается ко мне спиной и быстро уходит, оставив в моей душе смятение. Анна чувствует – ведь всё её лицо говорило о том, что она страдает? Или мне кажется?

Лидеры говорят, что чувства – это сводящая с ума болезнь, именно поэтому внеземным удалось захватить нашу планету. И насколько я знаю, ещё ни у кого в городе не было симптомов этого заболевания. Кроме нас с Нелли и возможно Анны.

Глава 4

На площадь я вхожу с каким-то странным предчувствием. Обнесённый кирпичными стенами, а вместо потолка дневное небо – небольшой павильон, где не так много места. Удивительно, что всем жителям города удалось здесь поместиться. Они сидят на высоких трибунах, окружающих подиум, где стоят лидеры Города Спасения. Опустив глаза, я шагаю мимо трёх братьев в сторону своего места.

– Отряды Защитников давно уже присоединились к нам, – ледяным голосом отмечает Ура.

Старший среди трёх братьев, мускулистый молодой мужчина, он смотрит на меня пустыми карими глазами. Тело в ответ будто каменеет. Отмечаю, что он мог бы казаться довольно симпатичным, если бы не его взгляд хищника.

– Назови имя, – требует старший лидер.

Сглатываю и смотрю в его тёмные, как у Питера глаза.

– Тина Брайн.

Бледное вытянутое лицо и пухлые губы, искривлённые в злой ухмылке. Тонкие осколки чёрной татуировки рассыпаются по правой стороне лица, только больше пугая меня.

– Разве я разрешал тебе смотреть на меня?

Сердце ёкает.

– Тина Брайн, – Питер делает несколько шагов в мою сторону. – Ты выполнила мой приказ?

Не понимаю, о чём он, но киваю. Второй лидер берёт меня за локоть и толкает в сторону трибуна.

– Садись на своё место.

Ура неотрывно следит за каждым моим шагом. Страх душист меня изнутри.

Питер помог мне избежать наказания? Всё правильно, ведь он командир отряда Защитников.

Проходя мимо людей, отличавшихся друг от друга лишь цветом формы, вглядываюсь в их лица. В них нет ничего... Они все, как бесчувственные куклы, не отрывая глаз, следят за своими лидерами. Неужели я – одна из них? Ведь я так же беспрекословно слеую каждому слову лидеров. Ношу эту бесформенную одежду, чтобы не выделяться. И раньше не задумывалась о том, почему в глазах людей – всего лишь пустота.

– Доброе утро, жители Города Спасения, – громкий голос Уры отвлекает от размышлений. – Наш город выстоял перед очередным нападением Отчуждённых.

Защитники рядом со мной молча внимают каждому слову. В эту минуту мне сильнее всего хочется избавиться от разъедающих душу чувств и снова жить в пустоте.

– Такого беспринципного нападения с их стороны ещё не было, – Ура меряет подиум широкими шагами. – Мы не можем допустить, чтобы они снова атаковали нас.

Он смотрит на своих братьев и добавляет:

– Истребление Отчуждённых – единственное спасение

для нашего города.

Тишина. Среди Защитников не принято хлопать уважаемым лидерам, только слушать. Но что-то не так. Питер хмурится, на лбу проступают морщины – три нечеткие линии.

– Как вы знаете, – Ура резко останавливается и смотрит на нас, как всегда, будто протыкая взглядом, – Отчуждённые – переносчики болезни. Сколько лет потребовалось городу, чтобы излечиться после захвата внеземных! Мой отец до своей смерти боролся за свободу людей, за способность жить на своей планете. У нас нет чувств, и только поэтому захватчики ушли.

Я ощущаю что-то постороннее в его интонации. Словно где-то внутри понимаю, что сейчас он говорит неправду.

– Чувства – болезнь. И если у вас проявляются симптомы... – Ура продолжает говорить, но я смотрю только на Питера. Наши взгляды встречаются всего на мгновение, но что-то проскальзывает между нами.

Я отвожу взгляд и стараюсь дышать ровно. Получается плохо.

– ... Вы должны незамедлительно доложить своим лидерам или лекарям о чувствах. Болезнь необходимо уничтожить на корню, тогда у вас будет шанс выжить.

Взгляд карих глаз Питера и еле заметное движение головой. Что это? Я думаю, это знак для меня. Я считываю этот жест так – лидеры должны стать последними, кто узнает, что чувства возвращаются ко мне. Но почему? Ведь лидеры для

жителей города – как родители. Они оберегают нас, направляют, помогают выживать. Без них Спасение давно бы превратилось в дикарей – Отчуждённых.

– Сегодня всем вам выпала честь поработать на благо нашего города! – торжественно объявляет Ура.

Оторвав взгляд от Питера, я смотрю на старшего лидера. Его лицо словно светится: тонкие губы расплываются в улыбке, а глаза блестят. От удивления привстаю. Но, тут же опомнившись, вжимаюсь в деревянную лавку. Просто не могу поверить! Я вижу чувства на лице Уры. По его злорадной ухмылке понимаю, что он ещё не закончил – и сейчас скажет нечто ужасное.

– Все Защитники и Спасённые, достигшие совершеннолетия, могут вступить в ряды добровольцев и во главе с моими братьями дать ответный бой нашим врагам.

Закрываю глаза. Я подхожу по возрасту. Мне как раз недавно исполнилось восемнадцать. И как Защитник я должна воевать.

– Мы уничтожим Отчуждённых! – продолжает Ура. – Люди Спасения не должны умирать!

Открыв глаза, я снова взглядом нахожу Питера, но ему не до меня – он увлечённо о чём-то говорит с Артуром, третьим братом.

Артур Ван на год старше меня. И на пару лет младше Питера. Он похож на братьев цветом волос, они у него такие же тёмные, а вот глаза у него голубые. Волосы, как всегда, взлох-

мачены на макушке. Смуглое тело и странная татуировка – шею и руки Артура окутывают графитового цвета кольца.

Столько времени вижу на телах лидеров эти рисунки, и никогда не задумывалась, какой смысл в них заложен. Знаю, что главное отличие Элиты нашего города от простого народа – это татуировки. Но ведь они должны что-то означать?

– Все те, кто решил присоединиться к отряду добровольцев, могут подойти к нам, – по трибунам теперь разносится суровый голос Питера, его взгляд прожигает меня.

Первым площадь собраний покидает Ура, оставляя братьев на трибуне дожидаться добровольцев. Заёрзав на лавке, оглядываюсь по сторонам. На площади начинается движение. Спасённые расходятся, не рискнув примкнуть к отряду добровольцев. На себе я ощущаю чей-то взгляд. Поднимаю глаза и встречаюсь с внимательным взором Питера. От смущения наливаюсь краской и всё-таки соскакиваю с лавки.

Я хочу покончить с захватчиками, но почему-то не желаю участвовать в истреблении людей. Истребление – только слово, но за ним стоит действие. Разве война – это выход? Почему лидеры Спасения и представители Отчуждённых не могут договориться? На Земле достаточно ресурсов и так мало людей. А если снова нападут внеземные, в этот раз с ними бороться будет некому. Люди истребят людей.

Нет, я не готова. Ровной и уверенной походкой иду к выходу. На себе ощущаю чей-то взгляд. Догадываюсь, а возможно, надеюсь, что это Питер. Но когда я смотрю на него,

он, уткнувшись в свой планшет, что-то сосредоточенно изучает. Я искренне желаю уйти с площади собраний. Но ноги будто врастают в брусчатку, а мозг начинает бешено работать. А что если это проверка? Могут лидеры вот таким способом проверить людей на чувственность? Если нет, то теперь мне всё равно нечего делать среди Защитников. Там я сразу буду заметна. А где лучше всего спрятаться? Там, где и не подумают искать. Кто знает, возможно, находясь среди добровольцев, я смогу избавиться от чувств, ну или хотя бы разобраться с ними. И если отряды возглавляют лидеры, возможно, у меня появится шанс подобраться к ним поближе. Кто ещё, если не лидеры, помогут мне!

Так что решитъ?

Делаю шаг в сторону подиума и уверенно выкрикиваю:
– Хочу записаться в добровольцы!

Да, сейчас я совершаю самый безумный и глупый поступок в своей жизни!

Защитники, скопившиеся у подиума, не замечают моего порыва. Питер делает вид, что слишком занят, продолжая пялиться в планшет и перебирать пальцами по экрану. Но ведь на самом деле он всё слышит. Почему он так себя ведёт?

Я вся дрожу. И уже не только сомневаюсь в своём решении, но и краем взгляда ищу пути отхода. А можно сказать, что я передумала?

Зато Артур оценивающе смотрит на меня. Пытаюсь унять дрожь в теле. Это похоже на игру: он охотник – я жертва.

Его тяжёлый взгляд сканирует каждый сантиметр моего тела. Лицо напряжено, он словно обдумывает что-то про себя.

– Она твоя, – кивает он Питеру.

Артур переводит взгляд на других Защитников. Питер, оторвавшись от экрана планшета, скользит по мне безразличным взглядом. И меня ужасно это бесит.

– Ты первая, – то ли утверждает, то ли спрашивает он.

Не знаю, как реагировать на его слова. Он кивком приглашает меня на подиум и снова утыкается в планшет. Спрятав дрожащие руки в карманы, я встаю позади лидера.

– Не нарушай правил, Тина Брайн, – гневно шепчет Питер.

Сердце будто пронзает игла. Еле сдерживая слёзы, я стою в рядах Защитников, примкнувших к отряду добровольцев. Мой разум кричит, что нужно отказаться, но чей-то голос внутри говорит, что сейчас я на своём месте, именно там, где и должна была быть с самого начала.

– Тина, ты должна всегда следовать зову сердца.

Лёгкое касание чьей-то руки до моей головы. Тело откликается...

– Слушай сердце, – шепчет женский голос.

Мы сидим на широких ступенях, позади резная дверь, ведущая куда-то внутрь дома. Я не вижу её лица, но голос знаком. Он, как забытая мелодия, звучит где-то внутри меня.

– Что бы ни случилось, Тина, всегда следуй зову своего

сердца, – повторяет она, обнимая.

Тихое биение её сердца, приятный и такой знакомый запах. Она пахнет чем-то родным... Моим...

– Тина, слушай маму, ведь она всегда права, – вторит ей мягким баритоном мужчина.

Отстранившись от матери, пытаюсь рассмотреть его, но в этот момент всё меркнет в моих глазах. Перед тем, как уйти во мрак, слышу лишь шепот, эхом отдающийся во мне:

– Где бы ты ни была и что бы ни случилось, сердце всегда приведёт тебя к нам, к твоим родителям.

Мои родители. Я совсем не помню их. Тринадцать лет прошло с того момента, как я потеряла родных. В моих воспоминаниях нет ничего, что могло бы меня связывать с жизнью до захвата. В Спасение я попала в пять лет и выросла в этом городе. Я раньше никогда не задумывалась о своей семье. Живы они или нет? До сегодняшнего дня я даже не вспоминала о прошлом. А сейчас, едва почувствовав присутствие родителей, словно побывала с ними рядом.

Но почему именно сейчас воспоминания о них вернулись? Со мной что-то происходит. После нападения Отчуждённых что-то надломилось во мне...

Глава 5

Волосы развеваются на ветру. Чёрные тучи окутывают синее небо, поглощая облака, и всё вокруг заполняет тьма. Делаю глубокий вдох, воздух перенасыщен озоном. Чувства обострены до предела.

Питер и Артур проходят вдоль рядов добровольцев. Тишина, изредка доносятся командные возгласы лидеров. И только в самом конце строя беспокойно.

– Если все мы уйдём, то кто останется защищать город? – шепчет Крисс.

Её огненно-рыжие волосы, как опознавательный знак, вечно видны издалека. Поэтому, как обычно, Крисс прячет длинную косу под куртку, а на голову натягивает серую шапку.

– Тихо, – шикает Белла.

Строй стоит ровно, но я всё слышу. В ответ Крисс поджимает губы и отворачивается.

– Ты чем слушала? – хмурится Рик.

Он дотрагивается до плеча Крисс, она вздрагивает. Что-то неуловимое для меня проскальзывает между ними.

– О чём ты? – вмешиваюсь я в разговор.

Рик машинально отдёргивает руку. Он ужасно худой – кости, обтянутые кожей. Бледное лицо покрывают жёлтые пятна. Под глазами серые мешки, а во взгляде пустота.

– Будет испытание для добровольцев, – слышу я в ответ шепот позади.

Кто-то подходит вплотную. Спиной ощущаю соприкосновение. Резко поворачиваюсь – Боб Бранс. Он прикладывает палец к губам и встаёт в строй рядом с темноволосым парнем в бесформенной серой одежде, покрытой грязью. И почему Дейк пришёл на собрание в таком виде?

– А это значит, не все Защитники покинут город, – тихий ответ Дейка.

Он, как всегда, сутулится и прячет взгляд, усердно делая вид, что рассматривает носки своих ботинок.

– Тина Брайн, – звучит совсем рядом голос Питера.

Вздрагиваю и поворачиваюсь. Лидер хмурится. Его брови сведены, а взгляд прожигает насквозь.

– Может, соизволишь встать в строй? – строго шипит он.

И толкает меня в спину. Прохожу мимо Беллы и Крисс, иду в конец. Всё ещё ощущаю на себе взгляд Питера, одновременно пытаюсь успокоить нервную дрожь и странное предчувствие, комком поселившееся в груди.

Главную площадь города окутывает лёгкая дымка – приближается вечер. Живот сводит от голода. Не помню, когда я в последний раз ела. Утром пила холодную воду во время обработки.

– Рад, что в стенах нашего города собрались доблестные Защитники и Спасённые, готовые к борьбе, – говорит Питер, вальяжно прохаживаясь между добровольцами.

Я смотрю прямо перед собой, поверх головы лысеющего коренастого мужчины, не решаясь взглянуть в сторону лидера.

– С этого дня вы – Элитный отряд Города Спасения, – продолжает Питер.

Я слышу чей-то короткий, тут же подавленный вздох.

Жить одним днём – единственное правило Элитного отряда. Сегодня свободен, а завтра ты можешь погибнуть. Наверное, именно поэтому это самый малочисленный отряд. В его рядах нет девушек. Только гордо шагающие парни в чёрных одеяниях. Уверенная походка, широко расправленные плечи, прямая осанка и отрешённый взгляд. Это и есть Элитный отряд нашего города. Один лишь взгляд на них может стоить жизни.

Украдкой смотрю на лидеров. Питер опять тонет взглядом в планшете, а вот Артур, как ни странно, смотрит на меня. Не отвожу взгляд, он ухмыляется уголками губ и делает шаг в мою сторону. Вздрагиваю.

– Вы зачислены в центральный штаб Города Спасения, – говорит младший лидер, – И с вас сняты основные запреты.

Артур как никогда серьёзен. Это на него не похоже, кажется, он в один миг взрослеет. Что на него так повлияло?

– Дальнейший инструктаж вы пройдёте в тренировочной зоне штаба, – добавляет он, всё ещё пялясь на меня.

Лидеры не говорят ни о каком испытании. Может, Боб что-то напутал? Мысли в моей голове уносят меня куда-то

далеко от площади собраний. Это так странно и непривычно, что я поддаюсь этому и очень зря.

– Тина, – трясёт меня за плечо Питер. – Ты всё поняла?

Невидимая сила сжимает тело – не пошевелиться. Он рядом. Не отпускает внимательный взгляд тёмных глаз. Я слышу тихое биение его сердца. Питер ждёт. Краем глаза замечаю, что отряды добровольцев уже повернуты лицом к входной арке площади. Питер сжимает мне локоть, резко поворачивает к себе спиной.

– Я отдал приказ, – шепчет он.

Ощущаю его губы около мочки уха, а горячее дыхание обжигает шею. Как-то неловко от того, что прикосновения эти мне приятны.

– Покинуть площадь!

Миновав арку, выходим к подъёмнику канатной дороги. Штаб города – на склоне горы. Нам всем предстоит подъём.

– Питер! – нарушает порядок чей-то возглас.

Нелли распахивает добровольцев и пробирается к нам.

– В лечебнице сказали про отбор, – говорит она, не успев отдышаться. – Я хочу стать добровольцем!

На Нелли распахнутая куртка – и длинная футболка под ней. Её больше не трясёт в ознобе, но я вижу, что она всё делает неправильно.

– Отряды собраны, – звучит леденящий ответ Питера.

Нелли не смотрит ему в глаза.

– Я хочу быть полезной городу!

Питер молчит. Нелли так и не поднимает взгляда. А я стою у подъёмника, не зная, куда себя деть.

– Мы обсудим этот вопрос с Урой, – наконец, отвечает Питер. – Иди в лечебницу.

– Меня отпустили.

– Значит, увидимся в пещере, – говорит Питер, начиная подъём.

Нелли украдкой смотрит на меня и подмигивает. Её тело снова охватывает дрожь. Коротко киваю ей и приближаюсь к лестнице. Каждый день я поднимаюсь на станцию, и только сегодня, ухватившись за металлические поручни, ощущаю, что всё тело напрягается, как струна. Сглатываю, поднимаюсь шаг за шагом, не глядя вниз.

Станция – это три бетонные стены и пол. В углу сломанная деревянная лавка, пара перевёрнутых мусорных баков. На одной стене рисунки – девушка с цветными волосами и непонятные мне символы. Они почти добела выцвели, но всё равно служат напоминанием, что до захвата планеты люди жили по-другому. Там, где нет стены – чудесный вид на город. Ветер хватает за волосы, меня пробирает дрожь. С лёгким скрипом подплывает кабинка. Облупившаяся краска зелёного цвета обнажает потёртый металл. Добровольцы безмолвно занимают места. Я пытаюсь втиснуться, но Питер останавливает. Наши взгляды встречаются, и я замечаю неуловимую искорку в его глазах.

– Скоро подойдёт следующая.

Он стоит рядом, взгляд устремлён куда-то вдаль. Я видела его и раньше, но как будто не знала, что в профиль он ещё более красив: ровные скулы, прямой нос и так сильно выделяющиеся губы. Питер, наверное, догадывается, что я смотрю на него. Поэтому, одёрнув себя, я отворачиваюсь.

Тихий скрип. Кабинка открывает двери, и меня вталкивают внутрь. Толпа добровольцев вжимает меня в дальний угол. Прислонившись к холодному стеклу, я пытаюсь дышать как можно реже, боясь, что в скором времени кислород вообще закончится.

– Уверена, что хочешь этого? – только я слышу этот тихий вопрос Питера.

Он стоит прямо позади, вжимая меня в стену кабинки.

– Да, – выдаю чёткий ответ.

– Надеюсь, это твой осознанный выбор. Дальше будет сложнее.

В его голосе нет обыденной пустоты. И от этого всё моё тело покрывает холодный пот.

– Хочу быть полезной этому городу, – отвечаю я заученную наизусть фразу, которую подготовила почти сразу, как только решила спрятаться среди добровольцев.

Снова скрип, а затем толчок, и я ощущаю движение. Кабинка плавно плывет к зданию, выделяющемуся на склоне чёрной горы своими белокаменными стенами. Штаб – обитель лидеров. И мы первые из города, не считая Элиту, допущены в его стены. Во мне нет волнения или страха. Как

ни странно, сейчас во мне пустота.

С лёгким скрипом кабинка замедляется.

– Спускаемся по одному, – звучит командный голос Питера.

Белые стены штаба с многочисленными окнами остаются где-то под нами. Небольшой толчок, и кабинка замирает. Начинается движение, и я, оторвавшись от окна, следую за Питером. Уверенная походка, ровные широкие плечи... Одетый во всё чёрное, он медленно приближается к открытым дверям кабинки. Лидеры отличаются от остальных мужчин города. В них присутствует что-то другое – возвышенное.

– Не тормози, Отчуждённая.

Не сдерживаюсь и бросаю яростный взгляд в сторону, откуда раздаются эти слова. Это Белла. Она ловит мой взгляд – и её большие глаза расширяются от удивления.

– Иди, Тина, потом поговорим, – вмешивается Боб.

Они чувствуют! Они такие же, как и я! – стучит в голове.

Я так же, как и все, иду по трём ступеням вниз. Вагончик уезжает, а наш строй спускается со станции к главному входу в штаб. Ощущаю на себе чей-то взгляд. Обернувшись, замечаю Беллу. Наши взгляды встречаются, пока толпа добровольцев не заталкивает меня внутрь белокаменного здания.

Яркий свет многочисленных ламп, от них слезятся глаза. Моргаю чаще. Просторный холл. Светлые стены песочного цвета и сделанные из белого камня колонны, поддерживаю-

щие потолок – это и есть главный зал штаба. Стекланные лифты и позолоченные перила широкой лестницы восхищают меня. На её ступенях стоят лидеры и воины.

– С этого дня вы – brave воины Элиты, – зал наполняет скрежещущий голос Уры.

Он смотрит в упор касаясь каждого добровольца, и мне кажется на мне он задерживает свой взор чуть дольше, чем на остальных.

– Но не все вы нужны нам. Кому-то придётся остаться на защите стен.

Короткая пауза.

– Как и говорили мои братья...

Внутри всё сжимается. К горлу подступает тошнота.

– Завтра начнется испытание, затем подготовка и бой, – голос его, всегда холодный, теперь можно сравнить с куском цельного льда.

Закрываю глаза. Кто-то сжимает мою руку. Разгорячённая ладонь скользит по запястью. Оборачиваюсь. Еле заметная улыбка видна на шоколадном лице Боба. Киваю ему. Внутри угасает буря и наступает пустота.

– Боб Бранс, Белла Янг, Дейк Дрю, Соня Белкина, Крисс Ли, Рик Янс, Борис Власов, Брэд Рим, Тина Брайн, – громко перечисляет Питер.

Вздрагиваю, слыша своё имя. Как и все, делаю шаг вперёд. Не спеша к нам подходит воин Элиты.

– Итан Оун, – представляется он, окинув нас вниматель-

НЫМ ВЗГЛЯДОМ.

Питер продолжает зачитывать имена добровольцев. В ушах у меня стоит звон, в горле скрежет.

– Пройдите в комнату обработки.

От волнения взмокают ладони, я вытираю их о штаны. Боб чуть подталкивает меня в сторону неприметной двери. Тело не слушается, ноги заплетаются.

– Одежду и личные вещи скиньте в ящик, – говорит Итан.

Он открывает дверь и пропускает нас вперёд. В комнате стоит полумрак, издалека доносится шум воды. Повторяя за всеми, снимаю одежду и скидываю в железный контейнер. Дергаю замок у куртки. Пальцы не слушаются. Еле совладав с застёжкой, снимаю куртку. И когда последняя вещь падает в ящик, Итан пустым взглядом проходится по нашим полуобнажённым телам.

– У вас три минуты на обработку, – говорит он, закрывая за собой дверь.

Иду на носочках по ледяной и скользкой плитке в самую дальнюю кабинку. Холодная вода приводит меня в чувство. Но ненадолго.

– Возьми, – говорит Белла, как только я выхожу.

Пряча взгляд, протягивает аккуратно сложенный сверток одежды. Чёрная форма Элиты из плотной ткани. Сидит идеально – на каждом из нас. В один миг из Защитника я перевоплощаюсь в воина. Как хочется так же просто пройти испытание!

Возвращаемся в холл штаба. Лидеров нет, только добровольцы и Элита. Сразу за нами в комнату обработки входит другая группа. Я делаю нерешительный шаг в сторону Итана. Белла и Боб рядом. И мне становится спокойнее, что удивительно даже для меня, потому что они последние с кем я вообще хочу иметь что-то общее. Итан кивает и медленно поворачивается спиной. Я вижу млечный путь – татуировка украшает его побритую налысо голову.

Стеклянные двери открываются, и мы втискиваемся внутрь. Толчок, а затем, плавно двигаясь, лифт начинает подъём. Несколько секунд, и двери открываются. Впереди коридор, по левую сторону двери, а справа панорамные окна, выходящие во двор штаба. Не совсем удачно, потому что весь вид закрывают чёрные скалы.

Добровольцы, по приказу Итана, расходятся по комнатам. Чтобы хоть как-то скрасить ожидание, я смотрю в окно: пустой маленький двор и открытые ворота ограждения. Закат. Небо окрашено в красно-оранжевый прячется за черными скалами, защищающими город, как непроходимая стена. Вдаль тянется горная дорога. По ней несутся грузовики. Пыль клубами поднимается из-под их колёс. Краем уха я слышу, как Итан проводит краткий инструктаж, но всё мое внимание приковано к окну. Из грузовиков выходят Спасённые с деревянными ящиками. Видимо, они тяжёлые, раз люди, сгорбившись, еле тащат неподъёмную ношу.

Ничего особенного, но пока я смотрю, как трясутся у од-

ного старика руки и шаркают ноги, внутри всё сжимается. Дряхлое тело совсем не годится для такой нагрузки, но старику приходится делать это, иначе он больше не будет нужен городу. И никто из других Спасённых не пытаются ему помочь. Да, это ещё одно правило: ты жив – пока полезен. Именно это и движет нами в борьбе с несправедливым миром.

От безразличия людей друг к другу внутри у меня всё раздирает скорбь. Я и сама не рискну подойти к нему. Иначе наказание настигнет нас двоих, потому что каждый должен занимать своё место, не вмешиваться. Это и есть безжалостная система нашего города в действии.

Старик, шатаясь, несёт тяжёлый ящик ко входу в штаб. Безмолвно наблюдаю, как его узловатые пальцы разжимаются, и ящик с грохотом падает на землю. Он заваливается на колени, пытается собрать рассыпавшиеся яблоки. Руки деда крупно дрожат, плечи вздрагивают. Замечаю идущих в его сторону Уру и Питера. Они помогут ему. Но что-то не так. Губы старика молят о пощаде – со страхом? Лицо блестит в алом зареве. Сверкает серебро металла в руках Питера. Я отступаю назад.

Сердце бешено колотится.

– Эй, – окликает меня Итан как раз тогда, когда звучит глухой выстрел.

Прячу взгляд.

– Посмотри на меня, – следует приказ.

На миг закрываю глаза, а затем смотрю. Встречаю пустой взгляд серых глаз Итана.

– Это твоя, – кивает он на вторую от стены дверь.

Он пропускает меня вперёд.

– Приложи руку к экрану, пусть дверь сохранит твои данные, – командует Итан.

Как только ладонь соприкасается с поверхностью, раздаётся писк. Голубой экран гаснет, и дверь открывается. Делаю шаг. Комната озаряется холодным светом. Стены, пол, потолок и мебель – белые. Меня почему-то передергивает.

– После ужина сбор в подвале, – говорит на прощание Итан.

Дверь закрывается, я падаю на пол. В груди всё рвётся на части. Я сжимаю руки в кулаки, и ногти впиваются в ладони. Сжимаю зубы, пытаюсь удержать крик. И когда проступают горячие слёзы, становится легче. Ползком добираюсь до кровати в центре комнаты и падаю навзничь. Питер убил его, убил... Он не мог... Питер – лидер, главный Защитник Спасения.

Глава 6

Громкий писк часов. Тело не слушается, руки и ноги трясутся. *Я Защитник* – повторяю я себе, когда силы оставляют. Помогает ненадолго.

Подхожу к зеркалу в собственной комнате для обработки. В отражении я не узнаю себя – напуганная девушка с опухшим от слёз лицом. Что сделали со мной чувства? Как за такой короткий промежуток они смогли изменить меня, лишит даже привычного облика?

– Нет, вы мне не нужны! – кричу я отражению. – Я избавлюсь от ВАС!!! Я хочу выжить!

Я пройду все эти чёртовы испытания. Несмотря ни на что, но я сделаю это. Потому что хочу жить. Снова в пустоте.

Прежде чем покинуть комнату мне необходимо какое-то время, чтобы привести себя в порядок, потренироваться смотреть на мир пустым взором и скрыть все следы оставленные чувствами – слёзы.

– Я ждал тебя, – говорит Боб, выходя навстречу.

Он нажимает на кнопку, вызывая лифт.

– Ты ведь чувствуешь? – шепотом спрашивает он.

Молчу, входя в стеклянную кабинку.

– Мы не враги тебе, – шепчет Боб.

– Ага, – киваю. – По большой дружбе называете меня Отчуждённой.

Он наклоняется слишком близко.

– Мы не выдадим тебя.

– Кто – мы?

Боб прикладывает палец к своим губам.

– Аккуратнее, Тина.

Сжимает мою ладонь, не так как обычно и мне пока не понятно к чему это.

– Мы знали, что чувства вернутся к тебе, – откашливается. – Точнее догадывались, наверняка то и...

– Кто это – мы? – перебиваю, повторяя вопрос.

Он не успевает ответить, двери лифта открываются. В холле штаба многолюдно. Воины Элиты проверяют добровольцев по спискам.

– Как ты собираешься проходить испытание? – спрашиваю я, пройдя проверку.

Мы обходим лестницу и через позолоченные двери попадаем в просторный круглый зал. Ровные, покрашенные стены с множеством полотен. Красочные рисунки еды пестрят со всех сторон. В центре висит самая большая картина. Толстяки уничтожают всевозможную пищу. Судя по изображению, кто-то давится, а некоторые уже мертвы. Я отвожу взгляд от картины.

– Приятного аппетита, – иронизирует Боб.

Действительно, не самое приятное зрелище.

– Тина, – манит Боб.

Он идёт в сторону круглого стола, как раз под картиной с

толстяками. Добровольцы сидят вплотную, приходится стараться, чтобы не потревожить их. Аккуратно пробираюсь по узкому пространству.

– Я должна сидеть с вами?

Я жду, что Боб скажет *нет*. Но, если честно, где-то в глубине души надеюсь, что моё место здесь. Лучше быть рядом с теми, кого знаешь. Так проще приспособиться... привыкнуть к новым правилам.

– Да, вот твоё имя, – отвечает Боб.

Он показывает на белую стеклянную столешницу. На маленьком экране, около свободного стула, зелёным светится: *Тина Брайн*.

– Стол предназначен для тех, кто живёт в третьем коридоре шестого этажа, – добавляет Соня.

Её синие глаза нереально большие.

– Соня Белкина, – представляется она, хотя я и так её знаю.

– Тина Брайн.

– Брэд, – кивает темноволосый парень, протягивая руку в знак приветствия.

– Борис, я из Спасённых.

Он по привычке не смотрит мне в глаза, прикрывает лицо грубой ладонью. Прилизанные каштановые волосы с золотинкой выглядят грязными.

Еда Элиты такая же скучная, как и у обычных Защитников. От голода сворачивается желудок. Помешав непонятно-

го цвета кашу, больше всего похожую на чью-то отрыжку, я жадно начинаю есть. Не жуя, глотаю склизкую субстанцию.

– Кто-то не пришёл на ужин? – нарушает тишину Соня, кивнув на свободные места. – Разве это не нарушение?

Никто ей не отвечает. В столовой тихо, даже не слышно стука ложек о тарелки. Такое гробовое молчание напрягает. Хоть бы кто-нибудь из добровольцев скрипнул отодвигающимся стулом. Но нет – тишина.

Поэтому меня немного радует, когда воины Элиты приходят за нами и командуют спускаться в тренировочную зону. Я, как и все, следую за ними, боясь поднять голову, ведь если кто-то посмотрит в мои глаза, то увидит чувства.

Долгий спуск по выдолбленным в камне ступеням, где почти нет света. Рукой скольжу по мокрым каменным стенам только для того, чтобы ощущать хоть что-то что поможет мне, если я оступлюсь. Сырость и влага ощущаются в воздухе, отчего лёгкие сдавливают. Ещё и коридор пещеры сужается, мне кажется, стены напирают на меня и в душе поднимается страх. То чувство, которое своим ядом отравляет каждую клеточку тела, обволакивает и лишает способности к сопротивлению.

Замечаю впереди блеклое свечение, и я ускоряюсь. Вместе со всеми я вхожу в просторное помещение. Справа и слева – двери, закрывающиеся изнутри. На деревянном настиле пола, в самом центре, начерчен желтый круг – похоже на ринг. Стены обиты металлом. Мы выстраиваемся ровными

рядами и смотрим на темный экран монитора.

Делаю неглубокий вдох. Спертый и влажный воздух с тяжёлым запахом мужских тел. Здесь нет окон и кондиционеров, от этого тренировочная зона похожа на парник, в котором Спасённые выращивают овощи.

Деревянные половицы скрипят под ногами Питера. Смотрю на него, он не замечает. Его отрешённый взгляд касается каждого добровольца, но только не меня.

– Завтра начнётся испытание, – говорит Питер, когда за последними вошедшими в зал добровольцами закрывается дверь.

– Все те, кто по какой-то причине не пройдет его, – короткая пауза, – будут зачищены.

Сердце будто вырывается из груди.

– Смерть – наказание за чувственность, – продолжает Питер.

Мне противно на него смотреть, поэтому рассматриваю носки своих ботинок.

– Но есть и приятные моменты, – доносится с другой стороны голос Уры. – Добровольцев с самыми высокими результатами к бою будут готовить мои братья.

В данный момент я даже рада появлению Уры. В упор смотрю на Питера. Наши взгляды встречаются. В его ночных глазах – пустота, а в моих страх.

Надеюсь, он этого не замечает.

– Испытание будем оценивать мы, ваши лидеры, – спокой-

ствие в его голосе ещё больше пугает меня.

– Хочу сказать сразу, – вмешивается Ура. – У меня навряд ли вы получите высший балл.

Питер и Ура смотрят друг на друга с разных сторон зала, как два коршуна, не знающие, как поделить добычу. И сейчас я на стороне Уры. Питер Ван – убийца.

– Через месяц будет бой, по его результатам мы выберем сильнейших, которые отправятся с нами на задании. Те, кто по каким-то причинам не смогут пройти его, вернутся к своей работе, – протягивает Ура, смакуя каждое слово.

Питер медленно обходит каждого добровольца, вглядываясь в их пустые лица. Догадываюсь, что ко мне он не подойдет.

– До этого дня вы – Элита, а значит, как и обещали, мы снимаем с вас основные запреты, – угроза в голосе Питера, тем не менее, отлично слышна. – Надеюсь, вам не нужно напоминать, какие запреты не стоит нарушать даже Элите.

Не доходя до меня, он возвращается в центр и встаёт перед рядами добровольцев, сверля нас бесчувственным взглядом. Смотрю в пол.

– Бой – сражение с одним из воинов Элиты, – добавляет Питер. – Вы должны показать нам мастерство рукопашной, а также умение обращаться с оружием.

Он говорит чётко и внятно, будто он произносит хорошо отрепетированную речь, словно ему приходится озвучивать это уже не в первый раз. Только раньше, насколько мне из-

вестно, добровольцев не призывали. Элитный отряд существовал изначально, как и лидеры, и был закрытым, они все – потомки первооткрывателей этого города.

Питер размеренным шагом обходит добровольцев.

– Докажите нам, что вы Элита!

Жестокость – вот что слышу я в словах Питера.

– А мы решим, кто из вас присоединится к борьбе с Отчуждёнными.

Питер сверяется с часами. Затем он переключает что-то на своём планшете.

– На экране – порядок прохождения испытания.

Чёрный экран на стене мигает, и на нём появляются имена.

– На сегодня все свободны, – заканчивает Питер.

Ура уходит. Питер же неподвижно стоит у монитора, сверля добровольцев тяжёлым взглядом. Делаю несколько неуверенных шагов в сторону экрана. Питер замечает моё приближение и уходит. Чему я не расстраиваюсь.

– Что думаешь?

Это ко мне подходит Боб.

Не отвечаю. Смотрю на экран. *Тина Брайн – Ура Ван*, подсвечивается там голубым цветом.

– Нелли тоже в списке, – шепчет Боб.

Ищу знакомое имя. *Нелли Лонг – Питер Ван*. Не повезло ей.

– У меня тоже Питер, – говорит Боб, сжимая моё плечо. –

Тебе нужно подготовиться.

– К чему? Ура ведь сказал, что поможет.

Боб ухмыляется.

– Забудь про всё, чему тебя учили в городе. Запомни! Что бы ты ни захотела сделать, делай как Защитник.

Отталкиваю чернокожего защитника, но он останавливает меня, подтягивает к себе и шепчет на ухо:

– Борись! Ты знаешь правила и законы города, следуй им.

Ночь. От прохлады по телу мурашки. На тёмном небе ни единой звёздочки, и только вдалеке мелькает синий неприметный луч. С его приближением внутри всё трепещет.

– Я ждала тебя! – кричу я в ночное небо.

– Тина, я рядом, – слышу я тихий голос. – Доверься мне, я помогу.

– Мне страшно.

– Знаю.

Синее свечение ослепляет. Оно окутывает меня и поглощает.

– Я рядом, Тина...

В плечо вонзается игла. Открываю глаза, всё ещё видя синее свечение. Провожу рукой по взмокшему телу. На плече еле ощутимый бугорок, как от укола. Включаю лампу. Свет бьёт по глазам. Синее свечение рассеивается. Снова касаюсь плеча, и уже ничего не нащупываю. Только еле заметный

след от иглы, рядом с родинкой.

Глава 7

Ранний подъём на часах четыре утра. Тело дрожит, как от холода, но в комнате тепло. А в голове непривычная тяжесть. Вчерашняя усталость тоже исчезает, оставляя внутри разве что ощущение пустоты. Из меня будто высосали некую силу, лишили чего-то важного, никаких посторонних мыслей – тишина. Движения тела выверены, каждое действие совершается на автомате. Я просто делаю то, что должна, не думая ни о чём.

На завтрак жидкая каша и чёрствый кусок хлеба – вкуса нет. Меня даже не удивляет, что за нашим столом теперь сидит и Нелли. Хотя своим появлением за завтраком она вносит нотки волнения за наш стол. Её допустили в добровольцы. Так, конечно, и должно быть, она довольно хороший Защитник, и несмотря на то, что она девушка, на спаррингах по рукопашному бою ещё ни одному парню не проиграла. Даже в схватке с Бобом они остались на равных. Это были шуточные спарринги, которые иногда устраивали инструктора Защитников, и по моему мнению – Нелли лучшая. А вот я никогда не участвовала в таких боях. Интересно, почему?

– Тина, – зовёт Боб. – Ты готова?

– Да.

Внимательный взгляд Боба в прищур. Он больше ничего не спрашивает, уткнувшись в тарелку, мешает кашу.

– Тебе не интересно, как мне удалось убедить лидеров допустить меня до испытания? – спрашивает, отвлекая Нелли, шепча на ухо.

– Нет, – выдаю я чёткий ответ. – Ты компетентна, этого достаточно.

Тонкие пальцы Нелли стискивают моё запястье.

– Чувства исчезли? – она говорит тихо, почти не шевеля губами.

Действительно, проснувшись утром, я поняла, что не ощущаю ничего. Но всё-таки это не так, как было до захвата. Теперь я знаю, что они есть. Чувства внутри, они закрыты за стальной дверью, и мне необходимо подобрать ключик, чтобы выпустить их наружу. Но я не хочу этого.

– Со мной всё нормально, – спокойно отвечаю я.

Нелли пододвигается ближе.

– Что ты сейчас чувствуешь?

– Как и должна – ничего.

– Хорошо, – кивает она. – А то я готовилась услышать любимую фразу Защитников, что в городе чувств нет. Значит, не всё потеряно, – спокойно отмахивается она.

Доедаю остатки каши, запивая остывшим чаем.

– Ты не представляешь, какой допрос устроили мне лидеры, – отвлекает Нелли. – Сложнее всего было убедить Уру, что я готова к испытанию, несмотря на ранение. А вот Питер милашка, он почти сразу дал согласие.

Она шепчет впопыхах, всем своим видом показывая, на-

сколько ей не терпится похвастаться своей маленькой победой.

– Как тебе удалось выжить? – перевожу разговор.

Совсем не хочется говорить о Питере и о том, что кому-то кажется милым.

– Лекари сотворили чудо, – жуя, отвечает Нелли. – Откуда у нас такие технологии? Ты никогда не задумывалась об этом?

Пожимаю плечами.

– Мы же не знаем, как было раньше.

Прикусив нижнюю губу, Нелли задумчиво смотрит на картину с толстяками. Ещё вчера при одном взгляде на художественное полотно, висевшее над нашим столиком, меня передёргивало в отвращении. Но не сегодня. Теперь во мне пустота. Чувства ушли, оставив лишь воспоминания. Ещё вчера я так ярко желала этого, но сейчас понимаю, что без способности хоть что-то ощущать – я неполноценный человек. Хоть и искренне желаю не мучиться больше из-за чувств, если честно, я словно скучаю по возможности ощущать.

– Что это может быть за испытание? – звучит тихий и мелодичный голос Беллы.

Её причёска, как всегда идеальна. Широко распахнутые глаза с оттенком изумруда – пусты.

– Всё, что связано с чувствами, – подаёт голос Соня.

Соня – маленького роста, с худощавым телосложением.

Среди собравшихся она выглядит младше всех.

– Я думаю, испытание можно пройти, – шепчет мне в ухо Нелли. – Главное вести себя, как Защитник. Иначе нас ждёт смерть.

Смерть. В нашем городе это дело обычное. Люди умирают каждый день. От столкновения с Отчуждёнными, от болезней, холода, жары... И ещё пару дней назад я не задумывалась о том, как сохранить собственную жизнь. И только с появлением чувств я осознаю, насколько сильно хочу жить.

С этими мыслями я и спускаюсь в тренировочную зону. От полумрака подвала клонит в сон.

– Перед испытанием мы проверим ваши навыки, – говорит Питер.

На нём чёрные джинсы и майка. Бугры бицепсов выпирают, их окутывают чёрные языки пламени – татуировка смотрится привлекательно и опасно одновременно.

– Часть добровольцев вместе со мной пройдёт в зал стрельбы, оставшиеся покажут навыки рукопашного боя Артуру и воинам Элиты.

Смотрю на экран: *Тина Брайн – стрельба*. Выдыхаю и немного расслабляюсь, стреляю я неплохо. Питер проходит мимо и будто ненароком толкает. Без слов всё понимаю и иду следом. Открыв нишу в стене, от пола до потолка заполненную оружием, Питер отдаёт приказ. Вооружившись, по длинному и малоосвещённому коридору мы входим в другое помещение, немного поменьше, с фанерными мишенями.

ми-манекенами. Питер командует: *По местам.*

За столько лет, проведённых в этом городе, я привыкла к постоянным тычкам в спину. Поэтому не спешу первой выслужиться перед лидером. Дождавшись, пока все разойдутся, щелкаю затвором и, прислушиваясь к скрипу половиц, занимаю единственное свободное место. Питер подходит вплотную. Всем своим телом он напирает на меня, сталкивает с места. Он встаёт, расставив ноги, держа пистолет обеими руками. Холодный металл блестит в свете тусклых ламп. *Перед глазами тот дрожащий Спасённый.* Вздрагиваю от грохота выстрела. *Безжизненное тело старика заваливается на землю.* Пуля Питера пробивает мишень как раз там, где у человека должно быть сердце. Делаю шаг назад. Смотрю на Питера, но вижу не его, а тусклые глаза деда, в которых больше нет жизни. Насколько второй лидер безжалостен и опасен? Необходимо держаться от него подальше.

– Оружие наизготовку, – вот приказ Питера.

Краем глаза вижу открывающуюся дверь, в проёме появляется Ура. Половицы визжат под тяжёлыми шагами старшего лидера. Отовсюду слышатся щелчки затворов.

– Тина Брайн, я полагаю, – холодно уточняет он.

Он рядом. Взгляд на мишень, стараюсь избавиться от ощущения чьих-то глаз на себе. Питер пропускает меня вперёд. Широко расставив ноги, поднимаю руки, отводя их от себя, и крепко сжимаю рукоять пистолета. Делаю глубокий вдох, закрываю глаза.

– Запомни, Тина! Твоё оружие – это продолжение тебя. Всем своим телом ты должна ощущать его, – шепчет незнакомец.

Он позади. Вижу вытянутые руки с выпуклыми венами, и татуировку на правой руке у запястья: желтоглазый волк воеет на луну. Узнаю этот рисунок, словно видела раньше, но не могу припомнить, когда именно и у кого. Такое чувство, что это воспоминание сидит где-то глубоко внутри. И ему нужен какой-то толчок, чтобы высвободиться.

Мужские руки вместе со мной сжимают пистолет, помогая удерживать тяжёлое оружие.

– Сделай глубокий вдох, – говорит он лёгким тенором. – Стреляй на выдохе.

Нащупываю под своим указательным пальцем спусковой крючок. И мы вместе нажимаем на спуск.

Отгоняю видение.

Вдох... Выдох...

Отдача, и глухой звук выстрела прорезает воздух. Пуля, свистя, врезается в красный центр мишени.

– Неплохо стреляешь, – раздаётся позади голос Уры.

Он, прищурившись, следит за каждым моим движением. Не пряча взгляд, я смотрю на него в ответ. Это испытание, проверка на бесчувственность. И если отведу глаза, проиграю. Когда Ура, наконец, выпускает меня из прицела своего

взгляда, он говорит Питеру:

– Будет первой!

Питер кратко кивает в сторону двери. Оставляя других добровольцев на полигоне, мы выходим в коридор. Лидер рядом.

– За такой короткий срок ты умудрилась обратить на себя внимание сразу двух лидеров, – его дыхание щекочет. – Это немного опрометчиво с твоей стороны.

– Не понимаю, о чём ты.

Мы идём рядом. В коридоре достаточно места, но Питер словно приклеился ко мне. Меня напрягает его близость.

– Есть в тебе что-то... – так же тихо говорит Питер, – ...какая-то сила. На испытании воспользуйся этим...

Затем он обгоняет меня и добавляет:

– Всегда выбирай третью.

Мы спускаемся по узкой лестнице, выдолбленной из камня. Тусклый свет ламп и глухой звук от наших шагов – вот и всё, что нас окружает. Когда мы выходим на такую же малоосвещённую площадку, Питер резко останавливается, так что я налетаю на него. Открывает незаметную для меня дверь и говорит:

– Жди, – и я слышу ледяные нотки в голосе.

Кабинет, напичканный выключенными мониторами и бесчисленным количеством датчиков. За столом сидит милостивая стройная дама средних лет. Чёрные волосы собраны в короткий хвост. Карие глаза выглядывают над медицин-

ской маской.

– Эли Ло, – представляется она.

Помню её, она лечила меня несколько месяцев назад.

– Снимай куртку, – говорит Ура, заходя в кабинет, видно, он вышел почти следом за нами.

Он подталкивает меня в спину к металлическому столу, и я послушно без лишних вопросов сбрасываю куртку на спинку стула и сажусь на край.

– Испытание – это проверка трех факторов, – говорит Эли.

Она включает мониторы.

– Ты будешь в сознании, и мы будем видеть всё, что происходит.

В груди будто скребёт шершавый ком, но где-то глубоко внутри, не доставляя мне волнения.

– Чтобы завершить испытание, тебе надо пройти один порог из возможных трёх, – продолжает Эли.

Её слова глухим звуком стучат у меня в голове.

– Ты должна показать нам хладнокровность, бесчувственность, безэмоциональность, – голос Уры доносится издалека. – В городе Спасение нет чувств.

Киваю в такт его голоса.

– Испытание начнётся за этой дверью, – лидер показывает на незамеченную мной дверь в цвет каменных стен.

Поднимаюсь. Волнения и страха не чувствую, но я понимаю, что они бьются где-то внутри меня, запертые за дверью

на ключ.

– Можешь начинать, – ровно произносит Ура.

Смотрю на него. Наши взгляды встречаются. В его глазах не пустота, там что-то другое... Интерес.

Захожу в комнату, обитую металлом. Передо мной три двери – первая раскрашена пёстрыми цветами, на второй витые узоры и позолота, а третья неприметная, серая, как и вся комната. Я бы выбрала вторую, визуальна она больше мне нравится. Цветочные узоры, выкованные из металла, золоченый блеск на их огранке – это очень красиво. Но слова Питера засели в голове, и я будто против своей воли толкаю третью. Хлопок тяжёлой двери. Резко становится холодно и глаза начинают слипаться, меня клонит в сон. Под потолком замечаю светящуюся красную точку. Осматриваюсь, их множество. Камеры, доходит до меня. Понимаю, что не должна показывать им, тем, кто следит за мной, что мне холодно. Да, у людей Спасения нет не только эмоций, но и простых физиологических ощущений. Как мы выживаем? Никак, поэтому и умираем. И только почувствовав пару дней я начинаю понимать. Чувства есть в каждом из нас, ведь до захвата они были. Просто мы не помним каково это когда тебе холодно или голодно. У нас нет воли, как и нет выбора. По факту человечество Спасения мертво. Но кто лишил нас этого? И правда, что чувства – болезнь?

Инстинктивно ядвигаюсь к противоположной стене с тремя дверями. Ледяной воздух раздирает горло, и я дышу че-

рез нос, короткими вдохами. Скрип подошвы эхом разносится по металлической комнате. Пальцы леденеют, я не ощущаю ног. Но продолжаю идти.

Красная, серая и чёрная двери. Ну тут наставление Питера и мои вкусы сходятся, я бы и без его подсказки открыла третью.

Хватаюсь за окрашенную в чёрный цвет ручку и вступаю внутрь. Темнота и тишина такие, что мне кажется, я слышу биение собственного сердца. Глаза никак не могут привыкнуть к полной темноте, уши закладывает от отсутствия звуков. Как будто я везде и нигде. Где-то внутри, подсознательно я понимаю, что должна испытывать страх, но его нет. Я делаю неуверенный шаг, мне начинают слышаться шорохи с разных сторон. От того, что я ничего ещё и не вижу, моё тело сковывает сводящее с ума чувство. Но во мне есть силы бороться, и я делаю ещё один шаг, затем следующий. Биение сердца, урчание живота и больше ничего... полная тишина, от которой начинают болеть ушные перепонки. Когда уже это закончится?

Голова начинает кружиться, но я не сдаюсь, медленно, но уверенно продвигаюсь вперёд. Тяжело, но жить хочется. Вытянутой рукой, сквозь непроглядную тьму, ощупываю дорогу. Оледенелыми пальцами сталкиваюсь с чем-то мягким. Делаю шаг, и рука скользит по бугристой поверхности, обитой шершавой тканью. Подключаю вторую руку и ищу ручку. Шорохи позади меня усиливаются, мелкие импульсы подни-

маются от шеи к затылку. Я уже лихорадочно обшариваю стену. Носом идёт кровь, меня начинает трясти. И именно в эти минуты мой мозг начинает работать. До меня доходит смысл испытания. Добровольцы не должны показать, что умеют чувствовать, для этого они должны пройти до конца. Несмотря ни на что. И я закончу это, как бы тяжело мне не было, я сделаю всё, чтобы выжить. Поэтому я ненадолго останавливаюсь, просто чтоб прийти в чувства. Да, тишина этой комнаты сводит с ума, и мне необходимо бороться с ясной головой.

Металл, металл! – это дверь. Цепляюсь за ручку. Яркий свет многочисленных ламп, глаза не то что слезятся, я их открыть не могу. Зажмурившись, я делаю ещё пару шагов и врезаюсь в стену.

Всё закончилось, стучит в голове.

Мне понадобилась пара минут, чтобы глаза всё-таки привыкли к свету, и я смогла разглядеть стену с тремя дверями. Даже не посмотрев на другие, я с уверенностью толкаю белую, с красной цифрой три.

– Поздравляю, ты Чистая, – говорит Ура, довольно ухмыляясь, когда я удивительным образом снова вхожу внутрь кабинета с мониторами.

На их экранах – пустые комнаты из испытания.

– Что это значит? – спрашиваю я.

Лидер кивает на стул напротив себя. Послушно сажусь. Его руки накрывают мои холодные ладони, и сразу становит-

ся теплее и спокойнее. Меня трясёт, но это не я, так организм отвечает на только что прошедшее испытание. В проникновенном взгляде Уры нет угрозы, и мне думается, что я могу всё рассказать ему. Он сможет защитить меня и от Питера тоже, ведь он старший лидер, а значит мой защитник.

Я почти уже открываю рот, чтоб выдохнуть пугающую меня фразу – *Я чувствую!* Но Ура перебивает меня, отвечая на мой предыдущий вопрос:

– Ты прошла испытание. В тебе нет чувств.

О, как он ошибается.

– А если бы были?

Слегка склонив голову, он внимательно смотрит. Ещё никто так не смотрел на меня и мне это нравится.

– Мы бы излечили тебя, – уголки губ приподняты. – Чтоб не привлечь взвезменных.

Да, он пытается улыбнуться, но я на каком-то подсознательном уровне понимаю, что это выражение лица даётся ему с таким же трудом, как и мне – прохождение испытания.

– Взвезменные на Земле? – мне становится тяжело говорить.

– Да, – кивает лидер. – Ты знаешь о них. Это Отчуждённые.

Он говорит дальше голосом заботливого друга, но я не слушаю. Отчуждённые – это взвезменные. И я недавно встречалась с ними, но я жива. Из меня не высасывали чувства, а наоборот, после нападения я обрела их. Почему? Что-то не

так...

– Ты прошла? – спрашивает Дейк, как только я выхожу из кабинета.

Киваю. Он и ещё десяток добровольцев ждут в коридоре. Дейк, всегда первый во всём, сейчас стоит, опустив голову, и прячет взгляд. Ему страшно. Страх виден на его побледневшем лице, на пульсирующей жилке на шее.

– Просто иди до конца, – шепчу в ухо. – Всегда открывай третью дверь.

Он кивает, шевеля губами, повторяя за мной слова, чтобы не забыть. И когда его вызывают, я даже замечаю былую уверенность в его серых глазах.

Не дожидаясь Дейка, выхожу на крыльцо штаба. Серые тучи овладевают пространством над городом Спасение. Мелкие капли холодного дождя стучат по крыше, шуршат листвой. Осенняя прохлада витает в сыром воздухе. Испытание для меня закончено. А для остальных? Тяжело думать о том, что сегодня кого-то ожидает смерть. Но ведь испытание не сложное. В чём суть этого тестирования? Если даже я, чувствующая, смогла пройти его. И ещё один вопрос, если лидеры могут излечить от чувств, то почему тех, кто не пройдёт испытание, ожидает смерть?

В висках стук...

Яркие краски осеннего леса. Лучи солнца пробиваются в чащу. На тёмных стволах деревьев мелькают солнечные

зайчики. В воздухе витает терпкий аромат опавшей листвы. Я сижу около большого муравейника. Их здесь много, но этот самый большой.

– Тина, – кричит мужской голос. – Беги!

Вдалеке мелькают силуэты. Страх окутывает каждую клеточку моего тела, он парализует меня.

Чей-то истошный крик. Зажмурившись, я падаю на землю. Скрежет и треск окружают меня, и сквозь всё это я слышу знакомый но забытый голос:

– Тина Брайн...

Глава 8

Никуда не торопясь, я спускаюсь по каменной лестнице, всё дальше уходя от штаба. Я не стала подниматься на станцию канатной дороги, потому что там могу встретиться с людьми. А я не хочу никого видеть, и уж тем более с кем-то говорить. Все мои мысли заняты одним – последним видением. И почему тот голос кажется мне знакомым? Что это был за крик и скрежет? Может это видение быть моим воспоминанием, ведь там было не понятно какого я возраста. А что, если это день захвата?

Дуновение ветра, по телу лёгкой россыпью расползаются мурашки. Застёгиваю куртку под горло и схожу с лестницы к подножью чёрной горы. Лучи не яркого солнца пробиваются сквозь тучи и опадают на землю тенью. Я делаю шаг на тропинку выстланную мелкими камнями, они хрустят под грубой подошвой ботинок. Ежусь, но не от холода, а от страха сковывающего каждое движение моего тела. Борюсь с приступом давящим на горло тяжёлым грузом.

– И что дальше? – спрашиваю я пустоту.

Слёзы подкатывают к глазам и мне не удаётся избавиться от них, сглотнуть. От безысходности всего происходящего я бью в каменную стену скалы.

– Это нормально, Тина, – тихий шепот позади.

Внутри меня напрягается струна, как трос на тренировке

по скалолазанию. Я боюсь повернуться и посмотреть на того, кто стоит позади. Чья-то рука сжимает моё плечо, и я против воли становлюсь лицом к говорившему.

– Питер, – выдыхаю я.

Его лицо сосредоточенно, подбородок словно вытянулся, а скулы впали. И глаза – они такие тёмные и угрожающие, что всё внутри меня замолкает. Я умираю, но остаюсь живой. Надолго?

– Пройдёмся? – предлагает лидер.

Я боюсь не то что пошевелиться, но и сказать что-то в ответ. И он видит это, поэтому спокойно берёт меня за руку и тянет в сторону от каменной лестницы ведущей на склон горы, туда, где стоит штаб.

Мы медленно бредём по извилистой и пустой улочке города, точно так же, как и раньше во время патрулей города. Питер так и держит меня за руку, а я просто иду, совершенно не сопротивляясь ничему. Возможно меня ведут на казнь и я смиренно считаю секунды ожидания.

– Первые дни сложнее всего, – тихо говорит Питер, когда мыходим с уличной дороги и прячемся за ветвистыми деревьями парка. – Но, знаешь, ты не плохо справляешься. Когда к тебе вернулись чувства?

– Я не больна! – говорю очень резко, что несвойственно для меня.

– Хорошо, – кивает он. – Просто ответь на вопрос.

Но я молчу, следя за каждым его движением. И когда он

тянет руку к заднему карману брюк я машинально жмурюсь, готовясь увидеть в его руке пистолет. Но выстрела не слышно, только странный щелчок и я открываю глаза. Питер закуривает.

– Ты куришь? – мой вопрос вырывается из груди помимо моей воли.

Он ухмыляется и я замечаю в его глазах лучезарные отблески – там больше нет пустоты.

– Именно такие вопросы и могут выдать чувствующую.

И что мне молчать?

– Запомни, Тина, – вначале выпускает дым, а затем говорит. – Прежде чем что-то сделать и сказать, ты должна хорошенько подумать.

– Ты не убьёшь меня?

Питер смотрит исподлобья. И что-то странное в его взгляде, в его лице. И я не могу уловить это, только понимаю, что так он ещё более красив, и меня даже не пугает пустота его глаз.

– Не сегодня, – уклончивый ответ.

Мы идём дальше. Куда именно я не знаю, но и спрашивать не буду. Медленно проходим парк, а затем бредём вдоль бурлящей реки. Таким маршрутом я обычно ходила на ночное дежурство. Но самое ужасное, эта дорога ведёт и до стены смерти тоже.

– Ты останешься жива, если будешь соблюдать правила.

Я молчу, стиснув зубы сдерживаю порыв. На меня так вли-

ают чувства или возможно близость лидера.

– Первое – продолжает он, не требуя от меня никакого ответа. – Не лезь на рожон. А второе – не ищи неприятности. Для этого заткни в себе вопящий голос и следуй уставу.

Он говорит довольно спокойно, очень напоминает обычные речи Питера, которые вещает с монитора в пещере Защитников.

– И если с тобой кроме чувств будет происходить что-то ещё, то первое что ты должна сделать, – он останавливается. – Доложить мне об этом.

– Что должно произойти со мной?

Но он не отвечает, как и не говорит больше ничего. Мы просто идём, достаточно близко друг к другу и это одновременно пугает и отвлекает. И когда мы наконец поворачиваем назад, я выдыхаю. Он не ведёт меня к стене смерти, а это значит – казни не будет.

Полуденное солнце слепит глаза и припекает голову, ветерок с лёгким шелестением подгоняет в спины. Держу дрожащие руки в карманах куртки и от безделья пинаю подвернувшийся по дороге камень. В голове тысяча вопросов, которые я собираюсь задать Питеру, но не решаюсь. Он так и идёт рядом, и я украдкой бросаю на него заинтересованный взгляд. Сосредоточенное лицо, и задумчивый, нет, я бы даже сказала, грустный взгляд. Брови нахмурены и сведены в единую нить, образовав между пару неровных полосок. Пухлые губы сомкнуты, словно он тоже сдерживает в себе какие-то

слова, которые возможно никогда и не скажет.

– Почему ты решил, что я чувствую? – я задаю этот вопрос только после того, как обдумываю.

Даже не повернувшись ко мне, он отвечает, смотря куда-то вдаль:

– В этом городе ничто нельзя скрыть. Помни это и впредь будь более осмотрительна.

Больше он ни о чём не говорит, да и мне необходимо время чтобы все обдумать. Чувства – зараза, и как с ними бороться? Признаться? Но, если я скажу, значит у него появятся все основания убить меня. Как он это сделает? Казнь на всеобщее обозрение города, или так же тихо, одним выстрелом, как и того старика?

На эти вопросы я не получу ответа сегодня, просто потому что не задам их. В моей душе скребёт холодный ком, а к горлу подступает тошнота. Предчувствую что в моём теле начинает что-то происходить. Из уголков полуночного мрака выползают они – чувства. Меня начинает накрывать пелена, которая плотным коконом окутывает мой разум, завладевая сознанием. И я перестаю оставаться на Земле, меня уносит куда-то вдаль непонятных видений.

Мне приходится нарастить темп, я надеюсь, Питер не догадается что со мной что-то происходит. А что если именно это он и имел ввиду? Ведь кроме чувств Отчуждённые заразили меня ещё и видениями. Может именно так проявляется та болезнь, из-за которой внеземные уничтожили почти все

человечество Земли? И постепенно я теряю разум...

Перед глазами всё плывёт. Прячу взгляд от проходящих мимо добровольцев. Нервно, несколько раз, нажимаю на кнопку лифта, хорошо, что Питер отвлёкся на добровольцев и забыл про меня, отстал ещё на крыльце штаба. Каждая секунда ожидания кажется вечностью. Поэтому, не дождав-шись пока двери откроются полностью, заскакиваю внутрь. Голова разрывается от боя молотов. Я чувствую металличе-ский вкус крови. К горлу подступает тошнота. Ощуще-ние обострены. Запахи, звуки... Я слышу биение собствен-ного сердца, как грохот наковальни. Чувства возвращаются. Барьер, сдерживавший их, разрушен. Мне больше не стать прежней.

Силы покидают тело и я падаю на кровать.

Тёплый ветерок. Запах листвы и цветущих растений. Пряный аромат лета. Проникая в каждую клеточку тела, он будоражит воображение.

Смотрю на солнце сквозь тёмные стекла очков.

– Тина.

Молодой парень треплет меня по голове.

– Тебе нравится? – спрашивает он, кивая в сторону цве-тущего луга.

От яркости жёлтых одуванчиков рябит в глазах.

– Не грусти, сестрёнка.

Он высокий и нависает надо мной, как скала. Но я не ощу-

щаю угрозы. Мне спокойно.

– Ты сама не своя. Что случилось?

Он снимает солнцезащитные очки. Глаза у него серые, но когда солнце такое яркое, видны голубые блики.

– Послушай старшего брата.

На лице улыбка. Не сдержавшись, я провожу кончиками пальцев по ямочке на его правой щеке. Он не отводит голову.

– Это был всего лишь сон, ничего более, – мягкость в голосе. – В поход мы ходим каждый год. И всегда возвращаемся.

Тёмные тучи поглощают пространство. Солнце постепенно исчезает. Ветер усиливается. По округе слышится шорох листвы и пугающий крик ворон. В воздухе влажность и запах сырой земли. Тело напрягается в предчувствии надвигающейся угрозы...

Глухой и тихий стук в дверь, похожий на скрежет чьих-то ногтей. Пытаюсь не замечать. Но звук не стихает и это начинает меня раздражать. Соскакиваю с кровати и нервно дергаю дверь.

– Очень опрометчиво с твоей стороны.

На пороге стоит Нелли. Она оглядывается по сторонам и входит в комнату не дождавшись моего приглашения, а просто отталкивает.

– Ты пропустила ужин, – голос её уж слишком серьёзен.

Внимательный взгляд её голубых глаз сложно выдержать. Не могу ответить, к горлу подступает тошнота и меня опять

трясёт в лихорадке.

– Что с тобой?

Прикрываю ладонью рот, сдерживая рвоту. Еле волоча ноги, иду в сторону комнаты для обработки. Нелли опережает меня и берёт под руку. Она помогает раздеться и заводит под душ. Тёплая вода согревает тело, но дрожь не проходит.

– Потерпи, – шепчет Нелли. – Сейчас станет легче.

Она протягивает полотенце.

– Тебе надо поесть.

Закутываюсь в мягкую махровую ткань.

– Я принесла пару кусков хлеба.

Выхватываю свёрток из её рук. Кисловатый вкус лежалого хлеба, от него на зубах песчаный скрежет. От вкуса становится лишь хуже, и мне приходится заставлять себя, чтобы проглотить в горле застрявший кусок.

– Дейк не прошёл испытание, – говорит Нелли.

Она провожает меня в комнату.

– Что... теперь? – спрашиваю, дожёвывая чёрствый хлеб.

– После боя будет казнь.

Ненадолго в комнате наступает тишина.

– А где он сейчас?

– Я не знаю, но Белла видела, как лидеры уводили не прошедших испытание.

– Куда?

Нелли пожимает плечами.

– Разве его нельзя излечить? – мой тихий вопрос. – Ура

сказал, что...

Удивление во взгляде Нелли.

– Ты не понимаешь? – спрашивает она, перебивая.

А то она не видит!

– Тина, когда я заразилась чувствами, поняла одно – она делает короткую паузу, а затем продолжает так, как родитель объясняет своему нерадивому ребёнку правила поведения, так же проникновенно, аккуратно подбирая каждое слово. – В городе никому нельзя доверять, кроме, тех кто также, как и мы могут чувствовать.

Я молча перебираю в пальцах край простыни.

– Почему именно мы? – только и могу спросить. – Ведь во время нападения Отчуждённых на постах были и другие Защитники.

– Ко мне чувства пришли не в тот день.

Ахнув я вытаращившись смотрю на неё.

– Это случилось парой недель раньше, – шепчет она в пол голоса. – Когда я была с Крисс на патруле.

– И что произошло? – нервно перебиваю я, торопясь узнать правду, словно знаю, что от её ответа зависит моя жизнь.

– Мы были в старой части, – неторопливо продолжает она.

Никогда не любила патрули среди заброшенных и полуразрушенных построек на склоне горы. Там никто не живёт, но лидеры зачем-то заставляют нас патрулировать те улицы. Разве там не хватает постовых?

– В итоге зашли в дом, чтобы проверить нет ли там нарушителей, и он начал осыпаться. Мы успели выскочить в последний момент, прежде чем крыша рухнула на землю.

– Причём здесь чувства? – от непонимания я даже замираю.

– Когда дом начал обрушаться, я почувствовала дикий страх, который парализовал меня на какое-то время, – она грустно улыбается, внимательно смотря в мои глаза. – Но на самом деле я выбежала вслед Крисс, хотя мой разум всё ещё находился там.

– И ты не пошла к лидерам? – еле ворочаю языком.

Но я ведь тоже не доложила про чувства, и не сказала Питеру, а ведь он дал мне шанс сознаться.

– Думаешь, нет у лидеров возможности излечить нас от чувств? – задаю новый вопрос, так и не получив ответа на предыдущий.

– Тина! – слишком громко выкрикивает она, но тут же приходит в себя и понижает голос до шепота. – Очнись и включи мозг. Никто не будет тебя лечить, просто убьют.

Нелли замолкает. Она хмурится, но даже в эти мгновения она кажется достаточно симпатичной. От её внимательного взгляда становится неуютно, прячу глаза рассматривая свои пальцы.

– Только не говори, что хочешь избавиться от них, – наконец доходит до подруги. – Неужели ты вновь хочешь жить в пустоте?

– Да, – выдыхаю я.

Нелли недовольно цокает и отворачивается.

– Я боюсь, что в этом городе...

– Для тебя не будет места, – заканчивает за меня мою фразу Нелли.

Уверенно киваю.

– Эта мысль была у меня первые часы, пока я не посмотрела на Питера другим взглядом, – продолжает спокойно Нелли. – Чувства открыли мне глаза на те вещи, которые я раньше не замечала.

Не хочу слышать ничего о Питере. Выругавшись, наверное, слишком резко встаю с кровати, от чего Нелли вздрагивает.

– Только не говори, что тоже... – начинает подруга.

С полуслова понимаю о чём она, поэтому резко обрываю её короткой и чёткой фразой:

– Нет!

В комнате ненадолго наступает тишина. Во мне кипит буря, она поднимается импульсами тока, заряжает собой каждую клеточку моего тела и заполняет мозг.

– Ты знаешь, что Крисс и Белла тоже чувствуют? – спрашивает Нелли.

Она делает попытку перевести разговор.

– Догадывалась. Боб, судя по всему, тоже.

– Да, знаю. Нас с Бобом определили в Чистые.

– И меня.

Она кивает.

– Видела в списках. Как тебе удалось провести Уру?

Задумчиво накручиваю на палец локон светлых волос.

– Знаешь, мне кажется, что сегодня я опять ничего не чувствовала.

Приоткрыв рот, Нелли смотрит на меня. Её глаза расширены, а брови приподняты.

– Разве такое возможно?

Начинаю метаться по комнате.

– Не знаю. Нелли, я ничего не понимаю, – волнение в голосе. – Чувства... Непонятные сны... Видения.

Широкими шагами я меряю комнату.

– Успокойся! – нервничает Нелли. – Что за видения?

Останавливаюсь. Пальцами цепляюсь за металлический поручень спинки кровати.

– Образы... Они не чёткие... Но я вижу людей... И мне кажется, что они знакомы мне.

– Ты видела их в городе?

Качаю головой.

– Бред! Попробуй вспомнить, может, вы встречались.

Вздыхаю и сажусь на край кровати.

– Почему у нас проявились чувства? Как они пришли к остальным? – голос у меня дрожит. – Столько вопросов...

– На один вопрос мы точно можем получить ответ, – шепчет Нелли. – Мы можем спросить когда у остальных проявились чувства.

В несколько шагов преодолеваю пространство комнаты и хватаюсь за ручку.

– Пошли!

– Тина, не сейчас, – останавливает Нелли. – Уже ночь. Давай подождём до завтра.

– Мы больше не Защитники, поэтому можем не соблюдать комендантский час.

Но Нелли мои слова не убеждают.

– Мы же не будем бегать по всем комнатам с расспросами. Тем более, ты и так сегодня чуть не попалась.

– В смысле?

Замираю на месте.

– Я же сказала. Ты пропустила обед и ужин, и хорошо, что лидеры и Элита были чем-то заняты и не проверяли добровольцев, как обычно.

Нелли поднимается.

– Уже поздно, – кивает на часы. – Завтра после завтрака тренировка Чистых.

Она машет на прощание и закрывает дверь.

Я пыталась не спать лишь для того, чтобы не видеть образы людей из видений. Это всё давит на меня лишая спокойствия и вселяет страх.

Резная двустворчатая дверь с цветочными узорами и бронзового цвета ручкой. Она приоткрыта и мне слышны голоса. Прислушиваюсь чтобы расслышать хоть что-то

кроме невнятного бормотания.

– Тина! – вздрагиваю от женского возгласа.

Страх сковывает, но сердце умиротворённо бьётся в груди. Я словно предчувствую, что те кто находятся за светлой дверью не опасны. Поэтому я всё же решаюсь войти. Рука трясётся, как в холодный день. Помимо своей воли, доверившись только чутью я толкаю створки двери, и они распахиваются.

Коридор с обоями в цветочек заканчивается лестницей ведущей наверх. Я делаю шаг, в ногах дрожь, но я стараюсь идти ровно, считая шаги. Один – я в прихожей, два и три – ровняюсь с аркой. Заглядываю в комнату: белая плитка на полу и песочного цвета обои. За круглым столом люди: женщина, мужчина, молодой парень и девочка. И какой-то импульс внутри притягивает меня к ним.

– Тина, твой день рождение, а ты куда-то сбежала, – женщина хмурит лоб и качает головой, от этого её короткие волосы слегка развиваются.

– Наверное, опять ходила в гости к своему выдуманному парню, – смеётся мальшика, кривля пухленькое личико.

– Он не придуманный! – мой крик вырывается помимо воли.

Мужчина тяжело вздыхает и смотрит на меня устало. Наши взгляды встречаются. Серо-голубые глаза, почти такого же цвета как у меня. Такой же прямой нос, как и у парня, сидящего рядом с ним.

– Где ты была? – допытывается женщина, от чего внутри меня начинается тряска.

Злость и разочарование сменяют страх. Я сжимаю кулаки и захожу в комнату. Затем моё тело больше не принадлежит мне. Иначе как объяснить мой поступок? Подлетев к столу, я скидываю с него торт и вот он кучкой валяется у моих ног.

– С ума сошла? – соскакивает женщина.

Её, итак, широко распахнутые глаза расширяются, краснота пятнами покрывает смуглую кожу округлённого лица.

– Алекс, я так больше не могу, – она крича обращается к мужчине. – Всё же её пора показать врачу.

Последнюю фразу она говорит как-то разочарованно, тем временем опять садясь за стол и пряча лицо в ладонях. Она плачет, а меня накрывает щемящее сердце чувство – раскаянье.

Всё меркнет, но я ловлю на себе взгляд Алекса. Что-то не так. Его лицо меняется, бледнеет и вытягивается от болезненной худобы. Из глаз исчезает живая энергия, они стекленеют.

– Вспомни, – шепчет он, прежде чем я проваливаюсь в пустынную темноту.

Глава 9

Утром меня всё ещё потряхивает, такое иногда случалось и после тренировок. Одно отличие, теперь в моей душе скребут длинными когтями чувства – они раздражают мои внутренности, а я не могу даже закричать. Поэтому во время завтрака, я как обычно молчу. Меня не интересуют успехи и поражения других, я занята лишь одним – осмыслением того что теперь вижу по ночам.

За нашим круглым столом два свободных места. Одно из них принадлежало Дейку. И мне больно смотреть в ту сторону, осознавать, что его скоро ждёт.

– Спасённый прошёл испытание, а Дейк – нет, – шепчу я Нелли, просто чтоб избавиться от картинок в голове.

– Это значит, что чувств у Спасённого нет, – спокойно отвечает она, пожав плечами.

Бросаю взгляд на Бориса, он сидит как обычно, сгорбившись и уткнувшись в тарелку. Я бы могла подумать, что он робеет перед нами, но в его глазах бесчувственная пустота. Возможно, он всё ещё не привык находиться в компании Защитников.

Немного подумав, Нелли добавляет:

– У Уры прошла испытание только ты. Как тебе это удалось?

В тоне её голоса скрыто нечто странное, не подвласт-

ное моему пониманию. Меня это немного настораживает, но ровно до тех пор пока в столовую не входят воины Элиты. Они вальяжно прохаживаются между столами, всматриваясь в пустые лица добровольцев. Поэтому остаток завтрака проходит в полной тишине. Быстро поев, мы с Нелли вместе спускаемся в тренировочную зону. Следом подходит Боб.

– Что нас ждёт? – тихо спрашивает он.

– Ничего хорошего, – шепчу в ответ.

– А вас не удивляет, что мы, чувствующие, попали в Чистые? – вмешивается Нелли. – Особенно Тина.

Смотрю на неё, прищурившись.

– Ты меня в чём-то подозреваешь?

– Нет, – быстро отвечает та.

Боб прикладывает палец к губам, указывая взглядом на открывшуюся дверь. В тренировочную зону входят Питер и Артур. Ровная походка, прямая осанка и пронизательный взгляд. Движения лидеров синхронные. Раз – берут у стены стулья. Два – ставят в центр. Три – перекидывают ногу и садятся лицом к спинке стула.

– Садитесь, – говорит Питер, указывая на пол.

Провожу ладонью по шершавым половицам ринга. Поджав колени, обхватываю их руками.

– Мы единственные Чистые? – с губ слетает вопрос.

Внимательный взгляд Питера.

– Нет, – отвечает он, слегка склонив голову.

Артур вприщур смотрит на меня, и мне неприятен его

взгляд. Я как выставочная модель и он оценивает меня своим сверлящим взглядом. Боюсь не только пошевелиться, но и дышать. Тишина в тренировочной зоне начинает давить на меня, у меня дикое желание соскочить и убежать. И мне приходится прикладывать усилие, чтобы не сделать этого. Лидеры смотрят на нас неотрывно, почти не моргая. Внутри меня будто звенит натягивается струна, ещё чуть-чуть и она лопнет. Что же будет потом?

Металлический скрежет снимает напряжение, в зону входят другие Чистые. И я выдыхаю, когда Артур своё внимание переводит на новоприбывших.

– Не стоило приходить раньше всех, – шепчет Боб. – Наверное, мы привлекли внимание.

С появлением чувств жизнь в городе усложняется. Раньше я никогда не задумывалась о том, как должна поступить. Ежедневно жила по одному расписанию, следовала правилам, и никакой внутренней голос не сопротивлялся приказам лидеров. Теперь каждое действие необходимо обдумывать. И стараться не поддаваться импульсам. Порой это не в моей власти.

– Чистые, как и воины Элиты, поведут отряды добровольцев на задание, – голос Питера врывается в мои размышления. – Поэтому к вам у нас будет особое внимание.

– И так же, как и всех, вначале вас ждёт бой. И он будет намного жёстче, чем у остальных.

Смотрю на свои дрожащие ладони. Тело каменеет от каж-

дого слова лидеров.

– Но в отличие от остальных добровольцев, – вмешивается Артур. – Мы сами займёмся вашей подготовкой.

Меня бросает в жар, тем более его взгляд опять устремлён в мою сторону. Что ему нужно?

– Знаешь, что я заметила, с появлением чувства? – шепчет в ухо Нелли, а я боюсь пошевелиться, чтобы посмотреть на неё.

Наверное, сейчас я больше похожа на каменную глыбу, нежели на человека. Ведь я даже дышу как можно тише.

– Питер очень красив, – добавляет она.

От её слов понимаю, что жар подступает к щекам. Точно также огненное пламя завладевает всем вокруг и уничтожает. Сжимаю кулаки, отчего ногти врезаются в ладони, только чтобы отвлечь своё тело.

– Это всё, что мы хотели сказать, – голос Питера. – Есть вопросы?

Девушка, сидящая впереди, поднимается. Короткие, медного цвета волосы собраны в хвост. Немного сутулится. Она одёргивает чёрную куртку и спрашивает:

– Почему мы Чистые?

Внутри что-то ёкает, предчувствуя некую нарастающую бурю. Питер смотрит в упор, но на моё удивление отвечает:

– Кэти, как вам известно, внеземные прибыли на Землю из-за чувств. Может, они хотели помочь нам... излечиться, – короткая пауза. – Многое неизвестно мне. Но я точно знаю,

что забирали не всех.

– Им нужны были Чувствующие, – вмешивается Артур.

Питер при этом бросает какой-то странный взгляд на младшего брата и добавляет:

– Это не совсем так.

Становится интересно. К тому же младший лидер выпускает меня из своего оценивающего взгляда.

– У многих людей от рождения эмоции обострены. Их сильная энергетика способна пробуждать чувства у других людей, побуждать на действия... – Короткая пауза. – Это Уязвимые.

– Чувствующие – большинство людей Земли. Эмоции у них не всегда на первом месте, но они зависят от Уязвимых, – добавляет мягким баритоном Артур.

– Чистые – эмоционально устойчивые, – продолжает Питер. – Уязвимые и Чистые – редкие экземпляры.

– Но в Спасении нет чувств. Почему же Чистых мало? – в разговор вмешивается блондин.

Я пару раз видела его на общем построении Защитников, но не могу вспомнить его имя. А нет, вроде его зовут Тед.

– В городе – Чувствующие, отказавшиеся когда-то от эмоций. Чистых очень мало. И именно вы – те, кто нам нужен, – отвечает Питер. – Думаю, это у вас из семьи. Та сила и то умение, которым вы владеете, передалось вам по крови.

Питер встаёт.

– Почему именно мы? – этот вопрос задаю я.

Точнее под каким-то странным порывом он сам вырывается, против моей воли. И да, я уже жалею что вообще открыла рот.

– Отчуждённые обладают некой силой, – Питер говорит прерывисто, с осторожностью подбирая каждое слово. – И только Чистые смогут противостоять ей, не заразиться чувствами.

– Потому что они внеземные, – выдыхаю я.

Артур давит смешок, но тут же становится вновь спокойным и невозмутимым. А Питер напротив, мне кажется, он начинает злиться, это заметно по его пульсирующей жилке на шеи, около так сильно выпирающего кадыка.

– Ваша задача уничтожить захватчиков, а не выяснять их происхождение.

Он говорит так, что все мы понимаем – этот разговор окончен, и не стоит нарываться. Поэтому я, не обращая внимания на неодобрительный взгляд Боба, съёжившись прячусь за спинами других Чистых.

– К делу. Первая групповая тренировка – стрельба, – он направляется в сторону арсенала. – К счастью, вы Защитники города и уже знаете достаточно об оружии, так что нам не нужно учить вас ещё и этому.

Мысленно радуюсь. Стреляю я неплохо. Ещё ни одного промаха за годы в рядах Защитников. Странное чувство – сжимать в руках нечто, способное отнять чью-то жизнь. Страх придаёт силы, и ты перестаёшь быть уязвимой.

Артура вызывает Ура, наверное, что-то случилось в городе, и он оставляет брата наедине с Чистыми. Всю тренировку Питер с задумчивым взглядом наблюдает за нами. А я, как ни стараюсь, но время от времени смотрю на него. Какое-то внутреннее чувство притягивает меня к жестокому лидеру – как будто что-то в нём устроено иначе, а мне надо в этом разобраться. Но я честно борюсь с этим.

Озадачивает и воодушевляет также то, что с призывом добровольцев, лидеры отходят от городских дел, назначив вместо себя привилегированную группу из отряда Элиты. Они пойдут с нами на задание, и, по всей видимости, это важнее, чем управление городом.

Последний раз делаю выстрел, следуя импульсу, после тренировки я не возвращаю пистолет в арсенал, а прячу во внутреннем кармане куртки. Да, в нём осталось всего пара пуль, но это лучше, чем ничего.

Я прячу пистолет в комнате – под матрасом. Так, на всякий случай.

– Где остальные? – задаю вопрос Нелли и Бобу.

В столовой пусто. Добровольцев нет, только Чистые. И как-то непривычно обедать в таком малочисленном составе. Живя среди Защитников, никогда такого не было.

– Наверное, у них обед позже, – с сомнением отвечает Боб. – Теперь у нас разное расписание.

Задумчиво перемешиваю ложкой жидкую кашу.

– Тина, – отвлекает Боб.

Смотрю в его тёмные с желтинкой глаза.

– Итан сказал, что мы можем вечером ходить в бар.

– Бар? – удивляется Нелли и как-то воодушевляется.

– Ага, – отвечает парень, жуя. – Говорят, там есть напитки, доступные только Элите.

– Интересненько, – тянет Нелли. – А что там есть ещё недоступное?

Боб пожимает плечами.

– Тина, давай сходим, – просит Нелли.

Качаю головой.

– Это не для меня.

– Ой, да брось, – отмахивается Нелли. – Может мы завалим бой, и это последние дни жизни.

Внутри всё дрожит от таких мыслей.

– Ты так и будешь прятаться в комнате?

– Нелли, оставь её! – заступается Боб.

Выпиваю холодный чай. Смотрю на часы, до тренировки есть время.

– Хочу подняться в комнату.

– О чём я и говорю, – улыбается Нелли.

– Встретимся в тренировочной зоне, – говорю я и быстро ухожу.

Преодолев холл штаба, поднимаюсь на лифте. На этаже замечаю Питера, он заходит в крайнюю комнату, соседнюю с моей.

Интересно, что он тут делает?

Становится жарко от догадки. Руки дрожат, я толкаю дверь в свою комнату и борясь с тремором в теле подхожу к кровати. Приподнимаю матрас – пусто.

Сдерживая в себе недовольство, борюсь и с наступающим страхом. Но я могу совладать с собой, да это не просто, но во мне есть некая сила способная побороть чувства, когда мне это нужно. Может быть и вправду Чистая?

– Запомни, что каждый должен быть проверен, – слышится холодный голос Уры, как только я подхожу к двери.

Я хоть не вижу его, но отчётливо представляю его взгляд, в котором нет ничего человеческого, только звериная ярость. Вжимаюсь в стену комнаты. Закрывать дверь не рискую, боюсь привлечь внимание.

– Мы только что обсудили это! – доносится грубый ответ Питера.

Его голос тоже не предвещает ничего хорошего. Прямо вижу эту бездонную пустоту в его карих глазах.

– Не подведи... в очередной раз, – явно иронизирует Ура.

Прислушиваюсь к звуку удаляющихся шагов. Это неправильно, я не должна так делать, но новое и неизвестное ранее чувство будоражит, вызывает интерес.

– Тебе не кажется, что это всё в пустую? Зачем нам отряд Чистых? Какая от них польза? Я не понимаю, – голос Артура, тем временем, приближается к моей комнате. – В таком-то составе.

О чём он? Делаю шаг назад. В висках нарастает глухой

стук.

– Ура лишь хочет быть уверенным, что город подчиняется ему, – усмешка Питера.

Оказывается, лидеры не такие и бесчувственные. Наедине друг с другом они дают волю эмоциям.

– Ты понимаешь, что после боя он сам займётся их подготовкой. Брат выбьет из них всё человеческое, – понижает голос Артур. – Он раскроет их.

Питер молчит. А я сидя на полу пытаюсь понять услышанное, можно сказать переварить информацию. Но не о том о чём говорят лидеры, а о них самих. Я думала, что среди трёх братьев самых жестокий это Питер, но теперь сомнения гложут мою душу. Подозреваю, что Ура именно тот, кому точно не стоит доверять. Прилюдно правильный и милосердный правитель, а как выясняется это всего лишь маска. А что если Питер тоже притворяется. Только в обратную сторону? Или я просто пытаюсь оправдать его? Как бы выяснить?

– Разве не все добровольцы в тренировочной зоне? – удивлённый голос Артура врывается в мои мысли.

Рука в дверном проёме – на запястье кольца чёрной татуировки. Сердце вырывается из груди. Я закрываю глаза, готовясь к наказанию.

– Ура как раз отвлёк меня, когда я проверял комнаты, – вмешивается Питер, с грохотом захлопывая дверь.

Пронесло. Из-за этих дурацких чувств, я чуть не отправилась за стену смерти. Надо с этим заканчивать!

Я не тороплюсь выбежать из комнаты, когда шаги лидеров стихают. Выжидаю некоторое время и выхожу. Делаю шаг, осматриваюсь. В коридоре – пусто. Выдыхаю с облегчением.

– Почему ты до сих пор не в тренировочной зоне?

Сердце замирает, больно кольнув. Питер, оказывается, ещё стоит у лифтов. На нём свободный спортивный костюм вместо привычных джинсов и футболки.

– В моей комнате кто-то был.

Питер хмурится.

– Я.

Сглатываю.

– Ты забрал пистолет?

Питер пристально смотрит. От такого взгляда становится неуютно.

– Добровольцам не положено оружие, – следует категоричный ответ лидера. – Всё, что вам будет нужно, вы получите во время тренировок.

– Я Чистая.

Кривая ухмылка.

– Уверена?

Ощущаю жар на щеках. Да он просто издевается.

– Я прошла испытание! – повышаю голос, что не совсем свойственно для меня.

Он ухмыляется, но отвечает спокойным голосом:

– Не без помощи.

Становится душно, что не вдохнуть.

– Даже у Защитников при себе всегда пистолеты, – мямлю я, пряча взгляд.

Питер делает шаг в мою сторону. Его пальцы – на моём подбородке. Поднимает голову и смотрит в глаза.

– Да. Потому что они на защите стен.

Затем сжимает руку сильнее и затягивает в лифт.

Нас контролируют. Мы дикие звери, запертые в клетках, а лидеры – надзиратели этого зоопарка. И почему я раньше мирилась с этим?

Питер постоянно подталкивает и подгоняет. С трудом поспеваю за широким шагом лидера. Спускаться по ступеням, когда тебя толкают в спину, совершенно не удобно. Боюсь подвернуть ногу и скатиться кубарем. На моё счастье, всё заканчивается хорошо. Толкаю двухстворчатую дверь и вхожу в тренировочную зону. Добровольцы в полном составе. Гул стихает сразу, как заходит Питер. Нервная дрожь по телу. Сотни глаз впиваются в нас. Опустив взгляд и почти не дыша, я встаю в конец строя.

– Почему вы вместе? – тихо спрашивает Нелли.

Она смотрит прищурившись, губы поджаты в тонкую нить.

– Встретились на этаже, – я и сама слышу оправдание в своем голосе.

Нелли недовольна. Меня начинает захлестывать злость.

– Тебя это волнует? – шепчу сквозь зубы.

Она не отвечает, демонстративно отворачивается. И я то-

же.

– Группа Артура остаётся, а остальные за мной, – команда Питера.

Он ведёт нас по бесконечным коридорам подземелья. Сырость витает в воздухе, давит на лёгкие. Тусклый свет мигающих ламп мало освещает коридоры, от этого в глазах постоянно рябит. Двигаемся, пока не натываемся на стальную дверь и Питер прикладывает ладонь к панели. Щелчок. Две металлические створки разъезжаются, обнажая перед нами просторную комнату. В центре, отделенный канатом – ринг и плоский компьютерный монитор на всю стену. На котором светятся имена добровольцев.

– Именно этот компьютер будет подбирать каждому соперника для поединка на ринге, – говорит Питер.

– Мы будем сражаться друг с другом? – перебивает Крисс.

Питер делает шаг в её сторону.

– Ты ходишь по грани, – следует ответ сквозь зубы.

Он прожигает Крисс взглядом. Становится жарко.

– Борьба – самое важное, – короткая пауза. – Вы готовитесь к войне, а не к прогулке.

Питер отходит, и Крисс выдыхает, и я вместе с ней.

– Умение стрелять – хороший навык. Но не всегда оружие бывает под рукой.

Он смотрит на всех небрежно, свысока.

– Вам придётся сражаться! – снова пауза. – Рукопашный бой, в некоторых случаях, решает многое.

– А те, кто был Спасёнными? Как они смогут подготовиться к войне в короткий срок? – вмешивается Нелли.

Она стоит в первом ряду. Выпятив грудь вперёд, всем своим видом привлекает внимание.

– Забудьте, кем вы были раньше, – нескрываемая злость сквозит в каждом слове. – Теперь вы все – добровольцы!

Он становится к нам спиной и смотрит на висящие у стен боксёрские груши.

– Кому-то придётся приложить немало усилий, чтобы пройти бой, – добавляет Питер. – Погибнуть в городе лучше, чем встретиться лицом к лицу с более подготовленным захватчиком.

Внутри пусто. Наверное, я начинаю привыкать слышать каждый день о смерти.

– Тренировки Чистых – проходят до обеда. Остальные вместе с воинами Элиты готовятся к бою. – Питер снова смотрит на добровольцев. – После обеда совместная тренировка.

Он обходит ряды добровольцев.

– У каждого Чистого со мной будет индивидуальное занятие. Одно или несколько, это я решу сам.

Питер тем временем начинает занятие – называет удары, не забывая продемонстрировать их сначала в воздухе, затем уже с боксёрской грушей. Как ни странно, я успеваю за остальными. Правда, мне необходимо несколько попыток, чтобы разобраться, как правильно бить и двигаться. Груша обжи-

гает руки и ноги, кожа наливается краской, но я не оставляю попыток. Стойко следуя приказам лидера.

Отовсюду слышатся глухие удары и звук шагов Питера. Он расхаживает между добровольцами. Когда он приближается ко мне, внутри нарастает напряжение. Сразу перестаёт получаться то, что секунду назад я с лёгкостью выполняла. Изучающий взгляд. Он следит за каждым моим движением. И под этим взглядом я вся сжимаюсь и бью вполсилы.

– Используй колени, так удары будут жёстче, – наклоняется он и выдыхает. – Напряги пресс!

Питер уходит, но я всё ещё ощущаю на себе теплоту его дыхания.

– Тина, – зовёт меня Нелли, тон голоса снова дружелюбный. – У тебя же неплохо получается. И почему нас раньше так не тренировали? Может, мы смогли бы отразить нападение Отчуждённых.

Она размышляет вслух, не требуя моего участия. Нелли, по сравнению со мной, тренируется усерднее. Постоянно подзывает Питера и просит его повторить удары. Он показывает, но я вижу, что без особой инициативы. И когда Нелли в очередной раз обращается к лидеру, он заканчивает тренировку. Я не спешу покидать зал вслед остальным добровольцам. Усердно повторяю всё, что говорил Питер.

– Тина, уже можно идти, – окликает меня Белла, хоть всю тренировку и делала вид, что не замечает меня.

На её лице – еле заметная улыбка.

– Да, я знаю.

– После ужина свободное время, – она не смотрит мне в глаза. – Пойдешь с нами в бар?

Она стоит рядом и не даёт сосредоточиться.

– Нет, – с раздражением отвечаю я.

Приходится заканчивать.

– Ты видела, как всю тренировку Нелли вешалась на Питера?

Удивленно вскидываю брови.

– Не знаю, я была занята немного другим, – выдаю я сухой ответ.

Белла поджимает губы, потом, подумав, говорит:

– Приходи в бар, поговорим.

Делаю вид, что не слушаю её. Схватив с лавки куртку, я почти бегом покидаю тренировочную комнату.

С появлением чувств мне не хватает общения. Но и сблизиться с кем-то я не готова. Я ещё не до конца понимаю, кому могу доверять. Уверена, как только я ослаблю бдительность, случится что-то ужасное.

За ужином у меня трясутся руки, а пальцы сложно выпрямить. Прежде чем взять ложку, массирую их. Размазав кашу по тарелке, с усилием заставляю себя отправить её в рот. Не обращаю внимания на болтовню за столом. Сама я не участвую в обсуждениях тренировки. Мне не безразлично, просто я боюсь сказать что-то не то. Во мне бурлят чувства – и это как клеймо на всём, что я делаю.

Глава 10

Ночные кошмары в которых я вижу незнакомые образы людей и места, где никогда не была. Я толком и не сплю, больше всего похоже что нахожусь в каком-то бреде. Голова разрывается от боли, ещё и тошнота подступает к горлу. На грудь давит ком так, что я не могу сделать вдох. На трясущихся ногах вхожу в комнату для обработки, но холодная вода не облегчает моё состояние. Мне просто необходим глоток свежего воздуха.

Шаркая ногами, выхожу из комнаты. Каждый шаг, как борьба моего тела с чем-то неподвластным мне, поэтому приходится придерживаться за стену, просто чтобы не упасть. В висках стоит глухой стук, в такт каждому шагу, а перед глазами различные картинки, которые вижу только я, ведь они в моей голове. Под тихий писк двери лифта открываются. Срываюсь с места, но только чтоб избавиться от этих видений. Лидеры правы, чувства – это болезнь. И я понимаю, что постепенно схожу с ума, плюс постоянные недосыпы. Я так долго не проживу. Но как мне избавиться от всего этого? Чтобы вновь стать пустой и бесчувственной. Как излечиться?

Как только лифт останавливается на первом этаже, я преодолеваю холл и выхожу из штаба. Жадный глоток свежего воздуха. Ночная прохлада постепенно приводит в чувство.

Тело обмякает, и я падаю на каменные ступени. Я всё ещё в городе, но перед глазами лес. И мне кажется, что мне знакомо то место? Может, я бывала там раньше, до захвата? Тогда, получается, кроме родителей внезапные отняли у меня ещё и брата. Но главное не это. Куда у меня пропали все воспоминания о прошлом? О жизни вне этого города? И почему раньше я не задумывалась об этом?

– Ты знаешь, сколько сейчас времени? – голос Питера звучит из-за спины.

– Я уже не Защитник, – резко отвечаю я. – Комендантский час могу не соблюдать.

– Не хочу, чтобы завтра на тренировке ты была вялой, – Питер садится рядом.

Как мило с твоей стороны, сказала бы я, но вместо этого с вызовом смотрю на него, забыв про все правила города. Позволять себе такое с лидером – это безумие.

– Раньше не замечала такой заботы.

Питер ухмыляется.

– Ты видела здесь ежей? – спрашивает Питер.

Раздражение сменяется удивлением.

– Да.

Питер смотрит на меня как-то по-другому. Не как лидер на жителей его города. Более мягко и человечно.

– Их нельзя погладить, потому что любое прикосновение они воспринимают, как атаку. Даже если ты просто хочешь ему помочь, – он улыбается. – Вот ты – тот самый ёж.

В тёмных глазах мелькают озорные огоньки. А у меня от удивления напрочь пропадают все мысли. Вчера жестокий убийца – сегодня довольно милый парень с доброй улыбкой на лице.

– Перестань сопротивляться тем, кто действительно хочет тебе помочь. – Питер поднимается и протягивает руку. – Научись доверять.

Он ждёт от меня какого-то действия. Игнорирую его и встаю сама.

– Я доверяю своим лидерам и помню всё, чему вы нас учили! Бороться самостоятельно и быть нужной этому городу.

Во взгляде Питера я замечаю сожаление – правда, не могу разгадать, о чём оно. Оттолкнув его, я вхожу в штаб, но разворачиваюсь на полпути.

– Что это будет за бой?

Проникновенный взгляд чёрных глаз, неотрывно следящий за мной.

– Чистых ждёт два испытания. Бой с воином Элиты и тайная комната.

– Что там будет?

Я спрашиваю его, но зачем? Он не ответит, ещё и поймет, что со мной что-то не так.

– Пока не знаю, – всё-таки отвечает он.

Питер делает шаг в мою сторону, и наши пальцы переплетаются. Замечаю странную искорку в его взгляде. Страх отталкивает меня от лидера. Он мне противен. Да, он поче-

му-то помогает мне, но его жестокость душит во мне все чувства. Нет, просто всё это какая-то проверка. Поэтому я отталкиваю его и ухожу, оставляя лидера одного на широких ступенях штаба.

– Тина.

Навстречу выходит Нелли, я бы сказала, выбегает. Щёки покрыты румянцем, в глазах задорные огоньки, а на лице улыбка.

– Ты не представляешь, – взволнованно щебечет она. – Приходи завтра в бар.

– Хорошо.

Она хочет что-то добавить, но осекается. Нелли только теперь замечает Питера на крыльце штаба.

– Что происходит?

Из её голоса тут же исчезают дружественные нотки. Она с минуту стоит и смотрит то на меня, то на Питера, затем вновь поворачивается ко мне и говорит:

– Ты в комнату? – спрашивает она, и тут же продолжает, – Пошли вместе.

Кивает Питеру и больно дёргает меня за рукав куртки.

– Так, Тина, – толкает Нелли меня в сторону лифтов. – О чём вы с ним говорили?

В её голосе напряжение. Она недовольна, это заметно не только по её лицу, но и по дерганым движениям. Нелли с такой силой нажимала на кнопку, что мне думается, что она её вдавит прямо в стену. И когда он приезжает, она вталкивает

меня в лифт, дожидается, когда двери закроются, и говорит:

– Ты моя подруга, и я желаю тебе добра.

Она часто дышит, ноздри то сужаются, то расширяются. И судя по тону её голоса, ничего хорошего она мне желает.

– Мой тебе совет, Тина, – делает паузу и выдыхает. – Держись подальше от Питера.

Хмурюсь, но спрашиваю:

– Ты о чём?

Ухмылка искажает её красивое лицо. Из синих глаз исчезает всё доброе, оставляя нескрываемое признание. Я смотрю не в глаза доброй подруги – это посторонний человек с инстинктом убийцы.

– В городе куча парней, а ты выбрала лидера.

Я собираюсь ответить, но она не даёт мне раскрыть рот. Толкает в грудь и я спиной бьюсь о панель с кнопками.

– Я заметила, как ты смотришь на него...

Эмоции зашкаливают. А Нелли уже спокойна. В её взгляде – привычная для города пустота.

– Просто не хочу, чтобы ты пострадала.

Губы Нелли вытягиваются в тонкую нить. Посмотрев на меня свысока, она выходит из лифта. Затем оборачивается и добавляет:

– Запомни, он мой.

С каждым днём эмоции всё сильнее овладевают моим разумом. Я пытаюсь бороться с ними. Возможно в них есть что-то хорошее. Потеряв их на время, я ощутила пустоту,

словно меня лишили части тела, оторвали ногу или руку. Чувства – движение к жизни. Это и есть сама жизнь! Но мне нужна пустота!

Как только я прихожу в комнату, то сразу ложусь в кровать. Если честно, я и не надеюсь уснуть или вообще поспать нормально, ведь знаю, что видения потревожат меня. Но как не странно, этой ночью я больше ничего не вижу. Сморило так, что я чуть не проспала, поэтому пришлось собираться в разы быстрее, чтобы не опоздать на завтрак. И в столовую соответственно я прихожу позже всех.

Да, я фактически на месте, среди остальных добровольцев, но мой разум находится где-то в другом месте, не в душном помещении, пропитанном запахом подгорелой каши.

Нелли щёлкает пальцами перед моим лицом:

– Ты слышишь меня?

Смотрю затуманенным взглядом.

– После завтрака Питер зовёт Чистых.

Киваю.

– Мы подождём тебя, – добавляет Боб.

Проглотив остывший завтрак, вместе выходим во двор штаба. На земле виднеется кровавое пятно – здесь Питер убил старика. Меня больше не бросает в дрожь от его безжалостности, просто потому что, наверное, я свыкаюсь с этим, как и вечно подгорелой еде добровольцев. Ещё один плюстик за то чтобы избавиться от чувств.

Смешавшись с остальными Чистыми мы ждём пару ми-

нут, пока во двор штаба не въезжает грузовик, из которого выходят воин Элиты и Ура.

– Если кто не в курсе, меня зовут Верн, – представляется воин.

У него большой нос, кривые зубы и совсем нет волос на голове. *Гоблин из сказки* – мелькает в голове фраза, которую я не могу понять.

– Проверка Чистых пройдёт за пределами штаба, – говорит Ура.

У меня сосёт под ложечкой.

– Раз вы Чистые, то страх не присущ вам.

– Страх нет, – слышно из строя чьё-то возражение.

– Верно, – кивает Верн. – И вы докажете нам это.

По приказу я залезаю в кузов грузовика. Нелли и Боб рядом, и от этого сразу становится легче. Даже несмотря на вчерашнюю выходку Нелли, я понимаю, что она мне нужна.

– Что сейчас будет? – шепчу я.

Они молчат. Боб сжимает мою ладонь. Шершавая кожа щекочет руку. Если честно мне не совсем приятен такой жест с его стороны, но я не отдёргиваю руку. Не знаю почему.

– Нам просто нужно поступить так же, как и во время испытания, – тихий голос Нелли, она так и не смотрит на меня. – Не забываем, что мы Защитники.

Киваем друг другу. Небольшая тряска и скрип колёс. На каждой кочке грузовик подскакивает, и я ударяюсь о низкий полог.

– Нелли, – зову я.

Но она не реагирует. Отвернувшись в сторону, она смотрит через узкую щель на дорогу.

– Я хочу поговорить...

Мои слова заглушает визжащий скрип тормозов. Толчок, и грузовик замирает. Успеваю вовремя ухватиться за деревянную лавку, иначе бы слетела с неё, как рыжеволосая Кэти.

Друг за другом отряд Чистых выходит к подножью чёрной горы. Полоса полуразрушенных зданий – вот всё, что осталось от старого города.

– Были времена, когда страх владел этим миром, – медленно произносит Верн, взглядом показывая вдаль. – Именно из-за этого внеземные отняли у людей планету.

Он пронзительно смотрит на нас и говорит:

– Задание начнётся на самом верху.

Слежу за движением руки. Высотный дом, сразу и не скажешь, сколько в нём этажей. До самого последнего – футов двести. Здание местами разрушено и видны металлические балки. Стёкла окон выбиты. Мрачно.

– Первое, что вы должны усвоить, – продолжает Верн. – Каждый приказ выполняется без раздумий и без промедления.

Меня трясёт. Верн толкает уцелевшую дверь многоэтажки. Переступаю порог. Там, где пол цел, он покрыт пылью и мусором. Голые бетонные стены. От каждого шага эхо разносится в пустоту, улетая куда-то вверх. Освещения нет, толь-

ко слабые лучи солнца пробиваются сквозь выбитые окна.

Прохожу мимо Питера и слышу его шепот:

– Сделай всё! Вам не дадут погибнуть!

Легче не становится. Можно ли ему верить?

– Время! – команда Верна.

Бетонная лестница ведёт наверх. Местами ступени почти полностью отсутствуют, приходится идти по узкой кромке. Я не смотрю вниз, всё моё внимание устремлено на Нелли. Спортивная фигура, ровная осанка, длинные ноги. Она спокойно переступает пробоины и двигается дальше, всем своим видом показывая, что она лучше меня, более подготовленная. Внутри поднимается буря. Я сжимаю кулаки. Стараюсь не обращать внимание на тянущие боли в ногах. Не хватает кислорода, приходится глотать воздух ртом. До последнего пролёта остаётся пара метров. Здесь обрушилось сразу несколько ступеней. Желудок сжимается и к горлу подступает ком. У меня нет времени собраться с мыслями, заглушить чувства, потому что позади идут остальные и мне приходится просто повторять за Нелли. Прижимаюсь к бетонной стене и скольжу ладонями по каменным неровностям, холодок от них передаётся телу, и меня бросает в дрожь. Ногой нащупываю уцелевший выступ. Спиной пытаюсь вжаться в стену, ведь ухватиться не за что. Медленно, не отрывая подошву ботинок, продвигаюсь вбок. Выступ местами осыпается. Сердце ёкает каждый раз, когда бетонные куски с грохотом падают вниз. В голове прокручиваю варианты падения, точ-

нее, ищу хоть какой-то способ остаться в живых. За что смогу уцепиться, или как сгруппироваться, чтобы не разбиться в лепёшку. Скольжу левой ногой – вдох, подвожу правую – выдох. Зубы сжаты. Холодный пот пробирает тело. Смотрю вперёд, на полностью целую бетонную плиту последнего этажа. Хочется заплакать, когда левой ногой, наконец, ступаю на ровную поверхность.

Мы осматриваемся. Стен здесь уже нет. Местами торчит арматура и уцелевшие поддерживающие колонны. Верн подводит нас к краю этажа. Впереди только поля, окутанные лёгкой дымкой. В воздухе ощущается привкус гари. Он щекочет и раздражает горло и нос.

Я стою между Бобом и Нелли. Ощущаю их страх, такой же, как и мой. Поглощающая разум неизвестность. *Вам не дадут погибнуть!* – шелестит голос Питера в голове.

– Война не прощает самоуправства, – говорит Ура.

Лидера нет с нами рядом, но его слова, как ураган, врываются на последний этаж полуразрушенного здания.

– Вы должны беспрекословно следовать зову лидеров.

Голос Уры проникает в каждую клеточку тела. Раздражает ушные перепонки и заставляет испытывать страх.

– Всем слушать приказ, – командует Верн.

Резко становится холодно. Солнце словно исчезает, и нас окутывает туман. Сжимаю кулаки, чтобы никто не увидел моих дрожащих рук.

– Прыжок.

Внутри всё застывает. Закрываю глаза и кто-то толкает меня в спину.

Сердце ёкает, а через секунду начинает бешено биться, пытаюсь вырваться наружу. Поток воздуха дергает за волосы. В ушах стоит свист. Глаза я не открываю. Не хочу видеть приближение смерти, пусть всё произойдёт быстро и неожиданно. Страх нет. Есть надежда и смирение.

Вначале удар, словно на меня что-то падает, затем ощущаю, как нечто обволакивает мою грудь. Затем щелчок и хлопок в районе спины, и некая сила отдергивает меня наверх. Открываю глаза. Я плавно приближаюсь к земле. Не падаю, а парю.

– Парашюты! – выкрикивает Боб.

К горлу подступает тошнота. Виски сжимает. Ощущаю вкус и запах крови. Перед глазами пелена.

Светлая кухня. На руках у мамы маленькая девочка с нереально широкими глазами и густыми чёрными ресницами. Она морщит нос, когда мама подносит ложку с кашей к её рту.

– Ну же, Нил, ты ведь не хочешь остаться голодной? – говорит мама, вытирая с лица сестры размазанную кашу.

Дверь позади открывается, громко хлопнув об косяк. И я вздрагиваю от неожиданности, и только потом оборачиваюсь. Из коридора в нашу сторону идёт светловолосый парень. На голове наушники, в руках книга и плеер.

– Попробуй самолётик, Тина ведь всегда велась, – выкрикивает он, не снимая наушников.

– Не говори так, – мама не довольна. – Лучшие бы помог. Тим отмахивается.

– Наигрался в няньку в детстве с Тиной.

Брат берёт со стола яблоко, целует мать в щёку и скрывается за белыми дверями.

– Он совсем редко бывает дома, – грустно вздыхает мама.

Отец кладёт руку ей на плечо.

– Тим уже взрослый, – улыбается он. – Нина, наши дети растут, вон и Тина уже ходит в школу.

– На каникулах мог бы побольше проводить времени с нами, – не соглашается мама.

– В свои четырнадцать ты часто сидела с родителями?

Мама вздыхает. Заметив меня, она грустно улыбается.

А внутри меня трепещут чувства, которые я не в силах сдержать. Со слезами на глазах я бросаюсь к отцу.

– Я никогда не уеду от вас, обещаю!

– Тина! – зовёт Боб. – Ты в порядке? У тебя кровь.

Он крепко сжимает мою руку и помогает подняться. И когда снимает с меня парашют, я шатаюсь, отхожу в сторону. Прижимаюсь к стене дома и сползаю на землю. Боб смотрит беспокойным взглядом. Беспрестанно тормоша за плечо, он пытается привести меня в чувство, но делает только хуже.

– Меня тошнит, – отталкиваю я Боба. – Оставь меня!

– Ты потеряла сознание, – шепчет он.

– Но я жива.

Вытираюсь рукавом куртки.

– Я подумал...

Он мнётся.

– О чём ты?

– Нелли же столкнула тебя.

Молчу. Боб прячет взгляд.

– Спасибо ей, – шепчу. – Без неё бы я не решилась.

Враньё легко слетает с моих губ. Ищу взглядом Нелли.

Она стоит недалеко от Питера. Наши взгляды встречаются

– разочарование в её глазах. Я жива, и это ей не нравится.

Но почему? Нелли единственная, кого я считала подругой.

Если вообще я способна к дружбе. Она та, с которой я была

готова преодолеть испытание. Постараться выжить.

Боб помогает подняться.

– Это испытание, – шепчу я.

– Ты о чём? – не понимает Боб.

Холодными ладонями провожу по лицу.

– Лидеры проверяют Чистых на чувства. Вот зачем нас заставили прыгать, ведь мы не знали, что у нас есть парашюты, – спокойствие в голосе.

– У нас их и не было, – задумчиво говорит Боб. – Не видела, что во время падения они, как дроны прилетели к каждому.

Не понимаю как это. Что это за технология, такого я раньше не видела в городе.

– Питер помог мне. Он предупредил меня – перевожу разговор.

– Ты противоречишь своим словам. Питер – лидер. Сам придумал испытание и сам помог?

Боб смотрит на меня, как на сумасшедшую.

– Не знаю, – пожимаю плечами.

– Зачем лидерам проверять нас? Ведь мы Чистые, – я четко слышу недоверие в голосе Боба. – Они всегда помогают защитникам.

– Нет, – шепчу я. – Питер – убийца. И, скорее всего, Ура и Артур тоже.

Впервые в городе я кому-то говорю правду. И именно Бобу. Я ощущаю связь с ним. Наверное, точно такую, как с тем Тимом из ведений. Боб хочет ещё что-то сказать, но я его одёргиваю.

– Нам надо учиться контролировать каждый свой шаг, – продолжаю шептать я ему.

Мы встаём в строй Чистых. Чувствующие среди людей, лишённых права выбора, ощущений и эмоций. И они нам не друзья. Так же как не все Чувствующие заслуживают доверия. Нелли – прямое тому доказательство.

Питер отдаёт приказ, и мы вновь залезаем в грузовик. Забившись в дальний угол, я сижу на полу, уткнувшись лицом в колени. Меня трясёт не только от дороги. Сегодня я выжи-

ла, но потеряла человека, которому хотела доверять. Наша дружба с Нелли умерла там, на последнем этаже полуразрушенной высотки.

Глава 11

После испытания Чистых, за обедом, в горле стоит ком. Я не хочу есть, но понимаю, что это необходимо для того, чтобы прожить очередной день.

– У тебя тренировка с Питером, – шепчет Белла.

Сегодня я сижу рядом с ней. Нелли пересаживается напротив.

– Интересно, чему лидер может научить тебя, Тина, – тянет Нелли. – Лучшие тренера Защитников не смогли вдолбить в тебя элементарные знания рукопашного боя.

– Зато Тина – лучшая в стрельбе, – застывает Боб.

Нелли ухмыляется.

– Не бери в голову, – шепчет Белла. – С ней что-то происходит. Вчера в баре она вела себя... неосмотрительно.

На мой вопросительный взгляд Белла отмахивается и отворачивается.

– Тина, – окликает Боб. – Тебе пора.

– Питер сказал, что будет ждать тебя на полигоне, – добавляет Белла.

Отодвинув стул, поднимаюсь. Меня провожают молчаливым взглядом. Я первая из Чистых, кого пригласил на тренировку лидер. И меня до дрожи пугает это. Ведь мы остаемся один на один.

Выйдя через парадные двери штаба, я поднимаюсь на

станцию. Кабинка плавно плывёт по натянутым веревкам. Слегка покачиваясь над городом, она, не сворачивая, приближается к тренировочным полигонам. Обычно здесь проходят тренировки защитников. Командиры обучают не только рукопашному бою, но и навыкам выживания. Морозильная камера, стена без страховки, обжигающий огонь. И это всего лишь малая часть того, через что проходят защитники. Смерть витает в этих стенах. Защитники погибают постоянно, и не от рук Отчуждённых, а от жёстких правил города. Я сама пару раз лежала в лечебнице, исцеляя ожоги и переломы. Но тогда это казалось нормальным. Сейчас в душе нет места спокойствию. А что если опасаться стоит не захватчиков города, а лидеров, наших защитников?

Неуверенно толкаю массивную дверь. Она такая высокая и тяжёлая, еле получается сдвинуть её с места. Проскальзываю в узкую щель и на дрожащих ногах вступаю на тренировочный полигон. Выдыхаю. Полос препятствий нет, как и оборудования для скалолазания. Пол – сплошная глина, но тут есть боксёрские груши, пара лавок и серые стены, уходящие ввысь и врезающиеся в облака. Потолка нет, поэтому полигон освещают слабые лучи солнца.

– Снимай куртку и обувь, – вот приказ Питера.

Он выходит из тени. Чёрная майка облегает его мускулистое тело. Языки пламени скользят по сложенным у груди рукам. Штаны снизу подогнуты, видны голые щиколотки.

Без особой уверенности я иду в его сторону, на ходу сбра-

сывая обувь и снимаю куртку. Намокшая от ночного дождя глина скользит под босыми ногами. Пропускаю волосы сквозь пальцы и стягиваю их резинкой.

Всё это время Питер не сводит с меня чёрных глаз.

– Ты выбрал меня первой, потому что я самая отстающая?

Тина, научись сдерживаться, – стук в голове.

Хорошо, что он никак не реагирует на это. Просто разминая шею и делает шаг навстречу.

– Главное, чему ты должна научиться, это побеждать в схватке с противником, – он делает паузу на выдохе. – Учись убивать – так ты сможешь выжить.

– Так же, как ты убил того старика?

Слова самопроизвольно срываются с губ. Зажмурившись ёжусь, готовясь к удару. Но ничего не происходит.

– Осторожно, Тина...

Его угрожающий шепот будит во мне нервную дрожь. Опускаю глаза, прячу испуганный взгляд. Не обращая на меня внимания, Питер ногой чертит на земле круг.

– Подойди, – говорит он, когда заканчивает.

Питер встаёт в центр круга. Неуверенно ступаю по глиняной мешанине, пытаюсь устоять на ногах и не поскользнуться. Перешагиваю начерченную линию и словно лишаюсь былой уверенности, которой и так было не много.

– В бою ты действительно одна из самых слабых, поэтому сейчас мы заново разучиваем приёмы, – голос снова ровный и будто пустой.

Он отворачивается и становится спиной ко мне. Подхожу вплотную. Резкий поворот и подножка. Питер сбивает меня с ног, опрокидываюсь навзничь. Футболка пропитывается мокрой грязью. Тело начинает дрожать от холода.

– Советую тебе быть более внимательной, Тина, – шепчет он, протягивая руку.

Не хочу этого, но другого способа выбраться из грязи не вижу. Поэтому крепко сжимаю его ладонь и спрашиваю:

– Обязательно было меня ронять?

– Надеялся, что ты среагируешь, – говорит он. – Любая ошибка на войне может стоить тебе жизни.

Питер тянет меня на себя. На его теле ни один мускул не дрогнул, он как не сдвигаемая скала. Даже не пытаюсь стряхнуть с себя грязь, встаю в стойку.

– Ты должна понять, что такое борьба, – Питер наклоняется, так что я ощущаю его дыхание на своей коже.

Смотрю ему в глаза. Несколько маленьких родинок, словно луч, тянутся от носа до уголка правого глаза; они, как маяк, манят меня. Рука дёргается, провожу по ним кончиками пальцев, оставляя грязевой след. Ощущаю напряжение в теле Питера. Но он не реагирует. Меня пугает его близость. И влечение. Меня как магнитом тянет к среднему лидеру.

– Прими боевую стойку, – шепчет с придыханием.

Одним движением он разворачивает меня к себе спиной. Удар по голени, встаю на ширину шага. Давление на плечи, колени подгибаются. Питер прижимает мои локти к телу,

поддерживая правой рукой под грудью. Моя спина упирается в его тело. Волнительная дрожь и лёгкое покалывание в груди. Да что со мной происходит? Мне действительно нравятся прикосновения лидера.

Но он, кажется, этого не замечает и занят только приёмами.

– Передвигайся плавно, не забывая следить за противником, – шепчет мне на ухо Питер.

Его голос завораживает. Не могу думать ни о чём, только о его манящих губах.

– Всегда следи за противником, – горячее дыхание щекощет шею. – Будь начеку.

Питер тянет меня за собой, и мы плавно кружим по липкому полу полигона. Его горячее дыхание обжигает тело. Лидер что-то говорит, но я не слышу. В мыслях ничего другого не существует, только он и я. Наши сердца стучат в унисон, в такт внезапно обрушившегося ливня. Капли мелкого дождя отрезвляют разум. И я отстраняюсь от лидера.

– Могу спросить? – слишком хорошо слышна неуверенность в моём голосе, которую не получается скрыть.

Он смотрит и отвечает:

– Только если этот вопрос не убьёт тебя.

Сердце с громким стуком качает кровь в моей груди, ладони леденеют, но я задаю вопрос, тревожащий меня последние дни:

– Тебе было обязательно убивать его? – спрашиваю я,

вспоминая убитого Питером старика.

Он делает шаг в мою сторону, но я не боюсь. Его ладонь на моей шее, он сжимает её и спиной бьёт об стену. Капли дождя стекают по искривлённому от злобы лицу. В его чёрных глазах блестят яростные огоньки, но я замечаю не приметные оттенки скорби и сожаления.

– Я бы не советовал тебе задавать своему лидеру такие вопросы, – со злостью отвечает он. – В городе каждый должен быть полезен. Таково основное правило.

Ладонь на моей шее сжимается всё крепче. Он приподнимает меня над землёй. Я задыхаюсь. Беспомощно дёргаю ногами, пытаюсь дотянуться до Питера, но он ловко уклоняется.

– Жизнь – борьба, если сдался, значит, умер, – сквозь зубы шепчет Питер, выпуская меня из захвата.

Отхожу, потирая шею. Бесчеловечность – вот что правит этим городом. Лишённые чувств люди уязвимы и беспомощны. И лидеры пользуются этим. Зачем?

– Ты помогал мне! – шепчу сквозь слёзы. – Не дал погибнуть. Почему? Ты с братьями вначале придумываете эти испытания, а затем оставляешь подсказки. Зачем? Чтобы я была благодарна тебе? Нет!

Трясёт в ознобе. Выпрямившись, Питер идёт в мою сторону. Мне очень страшно, ведь он легко способен меня убить. Но я не бегу от него, нет, я сама несусь к лидеру. Сжимаю руку в кулак и направляю в сторону Питера. Он уворачива-

ется и бьёт в ответ. Падаю. Слёзы скрывает дождь. Да я и не хочу прятаться. Надоело. Я устала.

Питер наклоняется. Жду новый удар. Пусть убьёт, я готова. Вместо этого Питер садится на колени и прижимает меня к своей груди. Всё то, что я держала в себе эти дни, исходит слезами, мокрыми пятнами на чёрной футболке Питера, и без того пропитавшейся дождем.

– Запомни, – шепчет он. – Пока ты в городе, тебе нужно следовать правилам, так же, как и мне.

Тепло его тела не согревает меня, но я не вырываюсь из этих объятий. Сегодня так много произошло, я потеряла доверие к близкому человеку, чуть не умерла, выполняя приказ лидеров. Но самое главное, здесь, на полигоне, я поняла, что люблю лидера среднего брата Ван. Поэтому меня так раздражает та жестокость, которая сидит внутри него.

– Тебе нужно подготовиться, чтобы пройти бой, – шепчет Питер. – На ринге я не смогу помочь, поэтому я должен подготовить тебя.

– Почему? Что во мне особенного?

Он молчит. Даёт мне немного времени и помогает подняться.

– Давай начнём с простых ударов, – предлагает Питер. Как будто и не было этого момента.

Душа в себе слёзы, иду к боксёрской груше. Теперь я понимаю, зачем мне всё это. Я должна пройти бой, чтобы навсегда покинуть эти стены. И пусть лидер поможет мне.

Дождь заканчивается, но боксёрская груша мокрая. У меня постоянно соскальзывают руки, и Питер недоволен моей неловкостью.

– Всё же давай повторим технику. А затем я донесу до твоего тренера, как правильно нужно готовить защитников Спасения, – Питер смотрит на меня пустым взглядом.

Вспоминаю Альберта – командира моего отряда в городе. Его изувеченное ранами лицо и узкие щели для глаз, шипящий голос, произносящий моё имя. С самого начала меня не готовили к войне, нет, моей задачей было всего лишь патрулировать, а затем охранять пост. И Альберт учил нас обороняться, а не атаковать.

– В бою у тебя один противник, за стеной их сотни, – Питер приближается ко мне.

Пячусь от него. Закурив, лидер смотрит изучающим взглядом. Вообще в городе курят только лидеры, точнее, из лидеров только Питер, да ещё воины Элиты, другим просто не доступны сигареты. С другой стороны, ведь это вредная привычка, может ли она быть показателем чувственности? А вдруг...

Смотрю на Питера, пытаюсь уловить чувства на его лице, увидеть его эмоции.

– Ты чувствуешь? – шепчу свой вопрос.

Но ведь я знаю ответ, просто мне нужно, чтобы он сам признался мне. Так же как и ему нужен был мой. Питер выпускает дым и делает шаг вперёд, четко, с ударением прого-

варивая каждое слово, так и не ответив на мой вопрос:

– Называю удар – ты показываешь, – краткий кивок. – Показываю приём – демонстрируешь защиту.

Пока он курит, я усиленно пытаюсь продемонстрировать всё то, что успела освоить от Альберта. И когда едкий дым рассеивается, Питер сам подходит к груше. Моя задача – в точности повторить каждый блок и показать те, что могут отразить их.

Руки и ноги обжигает боль. Мокрая из-за дождя груша скользит, от этого работать сложнее. В ушах стоят отзвуки ударов по кожаной поверхности.

Питер наблюдает, то и дело поправляя:

– Задействуй колени, тогда удары будут сильнее. Напряги живот! Не расслабляйся!

Тренировка затягивается. Питер мучает меня до тех пор, пока костяшки пальцев не начинают кровоточить. Тело дрожит под мокрой от дождя и грязи, футболкой. Закончив, я кутаюсь в кожаную материю куртки, такой же грязной и мокрой. Уставшая, я плетусь по центральной аллее города. Решаю подняться на другую станцию, около площади собраний. Влажный от дождя воздух насыщен ароматами листвы и травы, и мне хочется подышать им подольше, прежде чем я снова окажусь в штабе.

Сойдя с тропинки, пробираюсь по полумраку. Мне необходимо побыть вдалеке от людей, от этого города с его многочисленными правилами и законами. Замечаю поваленное

дерево. Удобно устроившись на нём, возвожу взгляд к ночному небу. Сквозь листья деревьев виднеется тёмно-синее полотно, на нём сверкают одиночные звёзды.

Весь мир меркнет...

Я тащу за собой стул, чтобы забраться на него и выглянуть в окно. Звёзды всегда манили меня.

Маленькая девочка, подняв глаза к небу, зачарованно смотрит на звёзды. Яркие, но такие холодные, скрывающие так много тайн... Они завораживают своим блеском...

– Я так любила смотреть на звёзды, – слова вырываются из груди.

Яркая вспышка, и волна ярких видений, словно цветное одеяло, накрывает меня.

Ночное небо, мы с папой, лежа на клетчатом пледе, устремили свой взор ввысь. Мы любимся пленительной красотой ночи, ища знакомые созвездия.

Мой отец, это он привил мне любовь к звёздам.

– А там есть люди? – спрашиваю я, указав на ночное небо.

– Думаю, есть, – задумчиво говорит отец.

– И они так же, как и мы, любятя звёздами, только с другой стороны? – не унимаюсь я.

Он улыбается:

– Если только ты веришь в это.

– Я верю...

Эти слова запомнились мне. Долгие годы я утверждала, что со звёздного неба кто-то смотрит на нас.

Как я могла забыть об этом?

Все эти годы я жила без прошлого, но в минуты грусти и отчаянья вновь обращалась к звёздам. Так, может, я не всё забыла? А что если, где-то внутри меня сохранилась память о тех днях...

Делаю глубокий вздох, закрываю глаза...

Стою в светлой комнате. Небесного цвета стены, темно-синий потолок со звёздочками. В большом окне виден закат.

Мне нравится эта комната. Я хотела бы жить в ней.

Подойдя к зеркалу, смотрю на своё отражение. Синее, почти чёрное платье до пола с рассыпанными по всей длине мелкими блёстками. Оно словно заволашеивающая вуаль ночного звёздного неба.

В отражении замечаю, как дверь позади открывается.

– Тина, какая ты красивая, – ахает полненькая девочка.

Её пухлые щёчки и светящиеся счастьем карие глаза наполняют меня теплом. Мне хочется, чтобы она подошла ко мне... Побыла со мной рядом...

– Нил, – голос мамы, звучит с соседней комнаты.

– Сейчас, мам, – кричит ей Нил.

– Поторопись, Нил, – мягкий баритон звучит позади. – Иначе твои игрушки отдадут другим детям, более послушным.

В зеркале я вижу идущего к нам светловолосого молодого парня. Нил показывает ему язык.

– Не вредничай, – он треплет младшую сестру по голове.

– Ну что, малышка, – улыбается он, обращаясь ко мне. – Выпускной!

Он встаёт рядом со мной. Теперь мы втроём смотрим в отражение. Тим, я и Нил...

У нас есть что-то общее. Но всё же мы такие разные... Мы тень прошлого, которого никогда не было.

– Ты больше не смотришь на звёзды? – спрашивает Тим, поправляя бабочку на своей шее.

– Нет, Тим, – опускаю глаза. – Там всё равно ничего нет. Так тяжело обманывать его, но мне приходится это делать. Почему не могу сказать правду, не знаю.

– Вот так, а то раньше каждый вечер ты сидела на подоконнике и смотрела на небо, – улыбается Тим.

– А ещё говорила, что со звёзд кто-то смотрит на нас, – кривится Нил.

Замечаю огоньки веселья в их глазах. Улыбка появляется и на моих губах.

Всё темнеет, но я до последнего слышу наш незамолкающий смех.

Открыв глаза, снова смотрю на звёзды. Они пусты, из них исчез манящий отблеск, завлекавший раньше. Никак не могу отделаться от мысли, что мне необходимо вспомнить нечто большее. Ощущение, что от души откололся кусочек, который так необходим мне. Кого-то ещё скрывают звёзды... И это важно, словно от этого зависит моя жизнь.

Прижав колени к груди, я зарываюсь в них лицом. Слезы стекают по щекам. Тим и Нил из видений. Я ощущаю с ними связь. Они как забытая мелодия. Потерянные в пучине беспомыслия.

Вдруг я чувствую лёгкое прикосновение. Поднимаю голову, сквозь слёзы смотрю в ночные глаза Питера. Взгляд понимающий, будто он знает всё, о чём я думаю.

Воротом куртки вытираю следы слёз со своего лица.

– Ты следишь за мной? – отодвигаюсь от него.

Питер вскидывает брови.

– Конечно, я ведь твой лидер.

Он садится рядом и протягивает мне термос.

– Попей чай, – говорит, закуривая. – Ты пропустила ужин.

– С чего вдруг такая забота?

Он выпускает изо рта белые клубы дыма. От едкого запаха начинает мутить. Отворачиваюсь.

– Ты наблюдаешь за мной?

– Как и за всеми.

Немного подумав, спрашиваю:

– Когда ты начал курить?

– Три года назад.

Я внимательно смотрю на него, мне важно увидеть реакцию на мой следующий вопрос:

– Курение – разве не показатель чувственности?

Он не среагировал. Ни одного мимолётного движения, никакой искорки в глазах – пустота.

– А может, это просто привычка, напоминающая мне, что чувства когда-то были.

Монотонность голоса и такая гладкая и скучная фраза в ответ. Разочарованно отворачиваюсь от него. Питер берёт из моих рук термос и немного наливает в крышку.

– Знаешь, что чай обладает множеством качеств? – говорит он и сам отхлебывает. – Лечит, в жару, освежает, зимой обогревает, успокаивает...

Теперь моя очередь удивляться. Что это за странный разговор о простом напитке?

– Мать по утрам заваривала чай, – Питер смотрит на звёзды. – Этот аромат я, наверное, никогда не забуду.

Наши взгляды встречаются. Дотрагиваюсь ладонью до его щеки. В эту минуту он совершенно другой, и мне кажется, я уже видела его таким... Спокойным и умиротворённым.

– А я не помню родителей, – выдыхаю я сквозь слёзы.

Питер прижимает меня к себе.

– Это нормально, – шепчет он. – Тебе было пять лет, когда они погибли.

Что-то настораживает меня, но я отмахиваюсь от этого чувства.

– Но они у меня были.

Вместо ответа он утыкается в мои волосы.

Как мне относиться к нему? Не знаю почему, но меня тянет к Питеру. Но самое главное, что я ужасно боюсь его. Что выбрать, страх или чувства? Я совершенно запуталась.

– Ты можешь объяснить мне, что изменилось? – задаю вопрос, терзавший мою душу.

Он с непониманием в глазах смотрит на меня. Поэтому я пробую переформулировать фразу:

– Раньше ты не замечал меня, даже близко не подходил, – я с трудом сглатываю. – А сейчас ты рядом.

– Ты скажи мне, что изменилось в тебе.

Теперь непонимание, наверное, явно видно в моих глазах. Но Питер не продолжает фразу, не объясняет её. Он смотрит вдаль, на пустое чёрное небо. А я, уже чувствуя, как на меня накатывает волна боли в голове, будто в самом мозгу, задаю последний вопрос:

– Что будет, если чувства снова вернутся в город?

На мгновение он замирает.

– Смерть...

Перед глазами темнеет. В голове будто что-то взрывается, и кровь идёт носом...

Глава 12

Тренировочный день начинается с небольшой пламенной речи Артура о том, как важно предстоящее задание. Уже потом Ура и Роберт (смуглый мужчина с непримечательной внешностью), демонстрируют, как правильно вести спарринг. Лидер бьёт соперника в живот, Роберт делает шаг назад, затем резко выпрямляется, уворачивается от атаки и локтём захватывает и сжимает шею лидера.

– Открою вам секрет, – хрипит Ура.

Губы лидера синеют, на бледном лбу проступает испарина.

– Лучший способ выбраться из удушающего захвата, – короткая пауза, – пистолет.

В руке старшего лидера блестит холодное серебро металла.

– Никогда не выпускайте из рук оружие, – Ура закашливается. – Только так возможно победить.

Сердце сжимается раньше, чем я слышу глухой звук выстрела. Тело Роберта обваливается на пол ринга. Я машинально ищу взглядом Питера, но его нет на тренировке. Именно сейчас он мне так нужен. Пытаюсь не смотреть, как пара добровольцев уносит грузное тело Роберта.

– Вы ещё не поняли, что каждый из вас скоро запачкает руки в крови, – смотрит на нас Ура. – И я хочу, чтобы Спа-

сение победило любой ценой.

Меня бьёт нервная дрожь. Переглядываемся с Бобом и Беллой. Они в шоке, как и все чувствующие. Даже Нелли от увиденного снова говорит со мной:

– Ура... такой бесчеловечный. Разве это не расточительство – убивать лучших воинов?

Пожимаю плечами. Но я понимаю буквально душой и телом – Ура станет последним, кто узнает о моих чувствах.

– Сегодня у вас бой в спарринге, – слышен голос Артура. – Разбейтесь по парам.

– Я бы встала с тобой, но боюсь покалечить, – совершенно серьезно шепчет Нелли.

Уверенной походкой она направляется в сторону Сони. В соперники мне достаётся высоченный амбал, с сильными руками и чёрными как смола волосами. Его зовут Алан, и он намного старше и выше меня. Надеюсь, хотя бы у него за спиной нет заряженного пистолета.

– Примите боевую стойку, – даёт приказ Ура.

Встаю напротив Алана. Руки сомкнуты в кулаки, а локти прижаты к телу. Я слегка сгибаю ноги в коленях и начинаю двигаться по кругу, неотрывно следя за Аланом.

– Один нападает – второй защищается, – жёстко диктует Ура.

Оборачиваюсь, отвлекаясь от Алана. Ура плечом опирается об стену недалеко от входа.

Толчок в спину, упав, я обдираю кожу на лице.

– Не пропускай удары, Тина, – вполголоса говорит Алан, оскалившись.

Оттолкнувшись от пола, поднимаюсь. Замечаю довольную ухмылку на лице Нелли. Она, в отличие от меня, только что нокаутировала своего противника, Сою.

– Ты должна понять, что такое борьба, – звучит голос Артура позади.

– Во время боя сосредоточься на противнике, – советует младший лидер. – Следи за ним. Не отвлекайся!

Одним движением он поворачивает меня обратно к Алану. Бледно-серые глаза противника неотступно смотрят на меня. В них нет чувств, только холодная пустота. Замечаю, что он заносит ногу для удара, но не успеваю среагировать. Боль в области ребер. От удара по лицу спасают вовремя поставленные в блок руки.

– Ну же, Тина, – подначивает Алан. – Лучшая защита – это атака.

На занятиях по рукопашному бою нас учили – играть на слабостях противника. Но у Алана не может быть недостатков. Судя по выпирающим мышцам и мощным ударам, он достаточно сильный. Да он и не крупный, чтобы быть медленным. Алан наступает. И я автоматически пинаю его в бок. Он ловит меня за ступню и дёргает на себя. Заваливаюсь на бок, выдергиваю ногу и неуклюже поднимаюсь.

– Тина, соберись! – рявкает Артур.

Он возвращается к нашей паре. Под его руководством у

меня получается пару раз увернуться от ударов. Перевожу дух, как только отхожу на безопасное расстояние. Я напротив Алана, крепко сжимаю кулаки и готовлюсь к атаке. Он делает шаг, и его тяжёлый кулак будто пронзает мне живот. Слезы подступают к глазам. Я ведь пытаюсь защититься, но не могу нормально отразить ни одно нападение. Тренировка заканчивается моим окончательным поражением. Но я не спешу уходить. Встав напротив груши, стиснув зубы, самостоятельно пытаюсь отработать все показанные удары.

– Знаешь, в чём твоя проблема? – спрашивает Артур.

В тренировочной зоне мы остаёмся одни. Добровольцы расходятся по приказу Уры, вслед за ним покинули зал и воины Элиты. Я не знаю как вести себя с Артуром, поэтому намеренно игнорирую его.

– Если недостаточно техники, – он вздыхает, – думай головой. Просчитывай действия противника. А лучше не доводи до рукопашной, стреляй.

Немного помолчав, он тихо шепчет:

– Не сопротивляйся. Впусти их.

Рука останавливается в нескольких дюймах от кожаной груши. Взмокшее тело дрожит от волнения.

– Что это значит?

Громкие шаги, хлопок дверью и тишина. Меня парализует. Лидер просит, чтобы я впустила чувства? Тот, кто с трибуны утверждает, что любая эмоция – болезнь. Я растерянно смотрю ему вслед. Правда стоять на месте и трястись от

страха я не намерена. Не в этот раз! Так ответы не получить.

Очередной тёмный извилистый коридор. Артура нет. Но я точно знаю, куда идти. Надеваю на ходу куртку. Издалека доносятся приглушенные голоса. Останавливаюсь и прислушиваюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.